

Институт нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте

Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики

Сборник пленарных докладов
Санкт-Петербургского Международного
Экономического Конгресса (СПЭК-2016)

ТОМ I

Под общей редакцией Бодрунова С.Д.

Москва, 2016

«Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики». Том 1 / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. 156 с.

В марте 2016 года в Санкт-Петербургском научном центре РАН состоялся очередной Санкт-Петербургский международный экономический конгресс «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики». Главные организаторы Конгресса – Отделение общественных наук РАН и Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, в партнерстве с Институтом экономики РАН, Институтом экономики Уральского отделения РАН, а также Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом, Вольным экономическим обществом России – превратили его в научно-общественное событие международного уровня.

В работе конгресса приняли участие крупные ученые научно-исследовательских институтов РАН, ведущих университетов страны, депутаты Государственной Думы, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России, зарубежные коллеги. В конгрессе приняло участие более 500 человек из 56 городов РФ, ученые и эксперты из Белоруссии, Эстонии, Казахстана, Кир-

гизии, Азербайджана, Германии, Китая, Франции, Великобритании, Австрии, Италии.

В ходе пленарных сессий, крупных конференций, семинаров и круглых столов обсуждались конкретные аспекты формирования нового качества материального производства, как в направлении использования передовых технологических решений, так и с точки зрения экономических отношений и институтов, которые могут способствовать такому технологическому прорыву, уходу от экспортно-сырьевой зависимости и изменению структуры российской экономики в пользу высокотехнологичных производств. Была подчеркнута и всесторонне рассмотрена существенная роль интеграции производства, науки, образования и культуры для обеспечения нового качества индустриального производства.

В первом томе опубликованы доклады пленарных докладчиков Конгресса СПЭК – 2016.

ISBN 978-5-902764-72-4

© Коллектив авторов, 2016

© ИНИР, 2016

Содержание

Предисловие: «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики»	7
<i>Бодрунов С.Д.</i> Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты.....	17
<i>Болдырев Ю.Ю.</i> Институциональное обеспечение реиндустриализации России в условиях недружественного окружения	35
<i>Бузгалин А.В.</i> Социально-экономическое возрождение России: диалектика внутренней и внешней политики	47
<i>Гринберг Р.С.</i> Размышления об экономике и геополитике	61
<i>Карлик А.Е.</i> Оборонная промышленность как драйвер российской экономики.....	67
<i>Къеза Д.</i> Ответ России вызовам экономического и политического кризисов мировой системы	83
<i>Ленчук Е.Б.</i> Технологический вектор новой индустриализации в России	91
<i>Нуреев Р.М.</i> От старой индустриализации к новой.....	101
<i>Рязанов В.Т.</i> Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России	115
<i>Смолин О.Н.</i> Образование и глобальный контекст российской модернизации.....	127
<i>Третьяков В.Т.</i> Почему такая богатая страна, как Россия, имеет такую плохую экономику?	141
<i>Шамахов В.А.</i> Подготовка управленческих кадров для новой экономики	147

*Форсайт «Россия»:
новое производство
для новой экономики*

22 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН состоялся II Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2016) «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики».

СПЭК-2016 продолжил начатую год назад (на предыдущем конгрессе) работу по обсуждению проблем и путей переориентации экономической политики России на обеспечение приоритетного развития высокотехнологичного производства (интегрированного с современной наукой, инженерно-техническим творчеством, образованием) и достижение социальных целей. В центре внимания участников конгресса были проблемы реиндустриализации России.

Организатором конгресса выступил Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте под эгидой Отделения общественных наук РАН, а его партнерами – Институт экономики РАН, Институт экономики Уральского отделения РАН, Санкт-Петербургский государственный экономический университет и Вольное экономическое общество (ВЭО) России. В подготовке и проведении конгресса участвовали ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, других университетов и научно-образовательных центров России, депутаты Государственной Думы Совета Федерации

РФ, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России из регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из 11 стран Европы и Азии.

На пленарные и секционные заседания конгресса были вынесены следующие основные проблемы:

- цели и средства экономической политики России: от «рыночного фундаментализма» к приоритетам производства и социального развития;
- новое качество материального производства;
- экономические механизмы возрождения производства, науки и образования;
- оздоровление финансовой системы;
- экономические кризисы: причины, последствия и пути преодоления;
- социальная политика и антикризисные стратегии.

Работа конгресса была очень насыщенной. В его ходе были проведены две пленарные сессии, три конференции, четыре семинара, девять «круглых столов». Уже к началу работы конгресса зарегистрировалось более 500 участников, а общее их число превысило 600. Большой зал заседаний Санкт-Петербургского научного центра РАН, где проходили две первые сессии пленарного заседания, не мог вместить всех желающих.

Первая пленарная сессия – «Обновление российской экономики: цели и средства» – задала тон всему ходу конгресса. На ней были поставлены наиболее острые и принципиальные вопросы: технологический прорыв в будущее, перемена вектора экономической политики для преодоления деиндустриализации экономики России и обеспечение реального роста знание-емкого высокотехнологичного материального производства.

Именно эти проблемы были подняты в пленарном докладе председателя Оргкомитета СПЭК-2016, директора ИНИР, президента Вольного экономического общества России, профессора С.Д. Бодрунова. Он предложил участникам конгресса

концептуальное осмысление перспектив экономического развития России, связанных с потенциалом перехода ко второму этапу нового индустриального общества (НИО.2). Этот этап связан с развитием новейших технологий (шестой технологический уклад, по терминологии академика С.Ю. Глазьева), ростом интеллектуальной составляющей в продукте материального производства и формированием комплекса новых экономических отношений и институтов. Этот комплекс призван обеспечить непрерывность потока инноваций, интеграцию производства, науки и образования, активную промышленную политику, генерирующую глубокие структурные сдвиги (рост доли знание-емкого индустриального производства и поддерживающих его сфер, производство новых знаний и подготовка высокоинтеллектуальных работников).

Размышления члена-корреспондента РАН, научного руководителя Института экономики РАН и ИНИР Р.С. Гринберга, касались обновления непросто складывающихся в России отношений между государством и человеком. Модернизация производства требует от государства активной политики в области изменения структуры экономики и одновременно – большего внимания к человеку как основному субъекту хозяйственной жизни. Без поддержки творческого потенциала человека невозможна никакая технологическая революция, никакие инновационные процессы.

Этот подход был конкретизирован в докладе О.Н. Смолина, члена-корреспондента Российской академии образования, первого заместителя председателя Комитета по образованию Государственной Думы СФ РФ. Он подчеркнул возрастающее значение общедоступного и высококачественного образования, его тесную связь с потребностями общественного развития (не только экономики, но и нормального функционирования социума в целом). О.Н. Смолин остановился также на проблемах в сфере российского образования, нерешенность которых тормозит экономическое и социальное развитие.

Внешние геоэкономические и геополитические условия, в которых России предстоит преодолевать проблемы, связанные с деиндустриализацией и формированием условий для нового индустриального развития, стали предметом обсуждения известного экономиста и общественного деятеля С.Ю. Болдырева и гостя из Франции, Жульена Веркёя, профессора Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж).

На создании благоприятных макроэкономических условий для новой индустриализации, в первую очередь на необходимости направления финансовых потоков на достижение важнейших общественно значимых целей, сосредоточил свое внимание профессор В.Т. Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Он выдвинул тезис о социализации финансов, что позволит использовать их для восстановления индустриального потенциала страны на передовой технологической базе.

Практические вопросы обновления российской экономики рассматривались и в других докладах санкт-петербургских ученых. Так, В.А. Шамахов, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, остановился на задачах подготовки современных управленческих кадров. В докладе профессора А.Е. Карлика, проректора по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, анализируются возможности оборонной промышленности как драйвера экономического и технологического роста российской экономики.

Социальные проблемы, с которыми сталкивается Россия на пороге перехода к новому этапу экономического развития, рассматривал В.Т. Третьяков, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова, известный телеведущий. Он заострил внимание на разрыве между богатыми и бедными, на социальной поляризации, которые, не разрывая российское

общество на непримиримые группы, серьезно сдерживают ее движение вперед.

На состоявшихся после первой пленарной сессии конференциях, семинарах и «круглых столах» также обсуждались наиболее актуальные для сегодняшней России проблемы, в первую очередь – задачи модернизации экономики путем ее реиндустриализации на основе новейших технологических достижений. Именно те вопросы, которые были в центре внимания основных докладчиков на первой пленарной сессии, стали предметом более детального обсуждения. В дискуссиях приняли участие не только российские, но и зарубежные ученые (из Великобритании, Германии, Франции, других стран дальнего и ближнего зарубежья).

Значительное внимание уделялось различным аспектам формирования нового качества материального производства: использованию передовых технологических решений, экономическим отношениям и институтам, которые могут способствовать технологическому прорыву, отказу от экспортно-сырьевой зависимости и изменению структуры российской экономики в пользу высокотехнологичных производств. В выступлениях подчеркивалась существенная роль интеграции производства, науки, образования и культуры в обеспечении нового качества индустриального производства. Передовая наука, высококачественное образование и подлинная культура не только являются необходимыми условиями экономического прогресса, но и должны выступить драйверами перехода российской экономики на качественно новую ступень.

В качестве одного из важнейших условий структурной перестройки экономики нашей страны рассматривалось эффективное взаимодействие рыночного саморегулирования и регулирующей роли государства, институтов государственно-частного партнерства, создания комфортной бизнес-среды, формирования макроэкономических условий, стимулирующих модернизацию экономики.

Этим повестка дня конгресса не исчерпывалась. Активно обсуждались социальные проблемы экономического развития, вопросы совершенствования экономической науки, региональные и отраслевые аспекты модернизации российской экономики, геополитические и геоэкономические вызовы и вопросы экономической безопасности в новых условиях, обеспечение непрерывности, расширения масштабов инновационного процесса в России и целый ряд других не менее важных проблем.

На заключительной пленарной сессии «Обновление российской экономики: геополитические вызовы» также были затронуты животрепещущие темы. Так, А.В. Бузгалин, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», остановился на месте России в мировой экономике, как страны зависимого полупериферийного капитализма. Отталкиваясь от этого тезиса, он обозначил принципиальные сдвиги в конструкции экономической системы России, необходимые для реализации экономической стратегии, получившей у него название *стратегии опережающего развития*. В рамках этой стратегии акцент делается на приоритетное развитие секторов экономики, формирующих и поддерживающих творческий потенциал человека.

На заключительной пленарной сессии внимание зала привлек доклад широко известного итальянского журналиста, бывшего депутата Европарламента Джульетто Къеза. Он обратился к геополитическим проблемам, затронутым на первой пленарной сессии, акцентируя противостояние центра и периферии мирового хозяйства, и рассматривая с этих позиций современный конфликт интересов между Россией и США.

Финалом конгресса стало вручение премии «За выдающийся вклад в индустриальное развитие России» им. С.Ю. Витте» (с вручением чека на один миллион рублей). В соответствии с положением о премии лауреатами становятся известные

российские специалисты, ученые, практики, внесшие весомый вклад в индустриальное развитие нашей страны (первым лауреатом этой премии за 2015 год стал академик РАН, Нобелевский лауреат Жорес Иванович Алферов). На СПЭК-2016 было объявлено о награждении премией за 2016 год члена-корреспондента Российской академии образования, первого заместителя председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Олега Николаевича Смолина. Участники конгресса горячо приветствовали это решение.

В предлагаемом сборнике содержатся доклады участников пленарных сессий СПЭК-2016.

*С.Д. Бодрунов*¹

Новое индустриальное общество.
Производство. Экономика.
Институты

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР) занимается исследованием проблем промышленности, ее роли в современной экономической системе, тенденций развития индустриального способа производства. Исследования все больше убеждают нас, что на современном этапе не существует иного эффективного пути развития мировой экономики, кроме индустриального в качестве базовой компоненты. Почему? Начнем «от печки». Человеку в любой его ипостаси (и как биологическому существу, и как социальному) присуще наличие *потребностей* – это аксиома. Для *удовлетворения* потребностей необходимо осуществить *производственный процесс*, в ходе которого в результате использования тех или иных *идей* и *материальных объектов* (материалов, орудий, *технологий*), а также человеческого *труда* возникают блага, призванные удовлетворять материальные потребности, – *продукты* (рис. 1). В каждом из основных элементов современного материального производства помимо материальной компоненты есть ключевое звено, без которого они существовать не могут, – это *знания*. Знания необходимы для *организации* процесса производства, для его *предметирования* (определения содержания индустриального продукта или услуги как результирующего предмета труда), для создания и рационализации средств труда (*материалов, технологий*). Да и сам *труд* основывается на знаниях, навыках, квалификации

трудящегося, его умения обращаться с материалами, оборудованием и т.д.

Рис. 1. Удовлетворение потребностей – производственный процесс

Исследование феномена *продукта* как способа удовлетворения человеческих *потребностей*; человеческой деятельности в процессе создания продукта и изменений, накапливаемых в течение исторического периода *осознанной производственной деятельности*, показывает, что *количественные* изменения, происходящие по мере *накопления* и освоения

знаний в сфере совершенствования орудий труда и способов его организации, приводят к *качественным* изменениям – смене *способа материального производства* и переходу в определенный исторический момент к *индустриальному способу* производства, а затем – к *индустриализации* экономики.

Опыт индустриального развития убедительно доказывает: при всех изменениях, происходящих на протяжении последнего столетия в материальном производстве (включая сокращение его доли в ВВП развитых стран, «информационную революцию» и т. д.), именно *материальное производство* было и есть *основа существования экономики*. При этом оно остается производством по преимуществу *индустриальным*; индустрия, используя результаты научного и технологического прогресса, формирует возможности для *удовлетворения возрастающих потребностей человека*.

В то же время нельзя отрицать, что применяемый *способ производства определяет тип общественного устройства*. В частности, возрастающая роль технологического применения научных знаний меняет характеристики общества, основанного на индустриальном способе производства, – на это обращали внимание все крупнейшие специалисты (от А. Смита и К. Маркса до Дж. К. Гелбрейта и Д. Белла).

Вышедшая полвека назад книга Дж. К. Гелбрейта «Новое индустриальное общество» инициировала переосмысление современной автору производственно-экономической системы, прежде всего системы, сложившейся в США. Последующие десятилетия, казалось бы, отодвинули представления выдающегося ученого на второй план, однако последние годы заставляют усомниться в правильности выводов, сделанных в 1990-е гг., когда мир оказался в плену идей постиндустриализма. Парадигма отрицания ведущей роли материального производства, представленная в работах Д. Белла и Э. Тоффлера, стала завоевывать все новых сторонников. Появились теории

информационного общества и информационной экономики; их продолжили концепции цифровой, дигитальной экономики и т.п. Огромную популярность приобрели работы Сакайи, Кастельса, у нас – В. Иноземцева и многих других. Однако мировые экономические и финансовые кризисы (сначала – конца 1990-х гг., затем – 2007–2009 гг.) охладили энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение «по ту сторону материального производства» обернулось не ростом эффективности, производительности и благосостояния, а экспансией посредничества, прежде всего финансового, ставшего немаловажным фактором кризиса 2007–2009 гг.

При этом материальное производство никуда не исчезло. В силу безусловной необходимости общества в индустриальном способе удовлетворения потребностей произошло то, что мы в ИНИР называем *перетеканием индустрии*: в то время как на Западе, казалось бы, нарастал процесс постиндустриализации (табл. 1), на мировом Юге и Востоке развернулась мощная волна индустриализации: резко увеличилась доля промышленного производства, возросли роль и доля в мировом совокупном работнике рабочих и инженеров, занятых в индустриальной сфере.

Таблица 1. Рост занятых в индустриальном секторе

Регион	2003		2004		2005		2006		2007		2008		
	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	
Весь мир	20,7		21,1	101,9	21,5	101,9	22,1	102,4	22,7	102,7	23,2	102,2	112,1
США и ЕС	25,6		25,3	99,9	25,0	99,9	25,0	100,0	25,0	100,0	25,1	100,1	98,1
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	25,6		25,3	99,9	25,5	100,1	25,5	100,0	25,4	100,0	25,3	100,0	98,8
Южная Азия	18,7		19,4	103,7	20,1	103,6	21,0	104,5	21,8	103,8	22,6	103,7	120,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,6		21,8	100,9	22,2	101,8	22,4	100,9	22,6	100,9	22,9	101,3	106,0
Северная Африка	19,2		19,7	102,6	20,8	104,1	21,7	104,3	22,7	104,6	23,6	101,0	113,0
Африка южнее Сахары	9,5		9,7	102,1	9,7	100,0	9,9	102,1	10,1	102,0	10,3	102,0	108,4

В экономиках Запада доминировали представления о том, что в «постиндустриальный» период *основной сферой бизнеса является сфера услуг; главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, а господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и экономического роста – свободный рынок*, распространяющийся на все сферы жизни общества. Не случайно многие ученые называют этот подход *рыночным фундаментализмом*, который характеризуется процессами *финансиализации и деиндустриализации*.

Процесс *финансиализации* привел к расширению сферы жизнедеятельности финансовых институтов, стал новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности и т. п. В частности, произошли: 1 – существенные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все чаще направляться из производственной сферы в сферу финансовых транзакций); 2 – перемещение контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам; 3 – ускоренное развитие финансовой сферы как одного из основных (а в ряде случаев – основного) источников роста ВВП и т.п. Все это привело к раздуванию «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису.

Следствием «постиндустриальной волны» стали массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в страны Юга/Востока и *ускоренная индустриализация периферийных* (а затем – и *периферийных*) стран, захватившая едва ли не половину населения планеты, и далее – *рост геополитического и экономического влияния* и могущества Китая, Индии и в целом сообщества БРИКС, который оказался крайне важным фактором, определившим новые вызовы для стран «Центра». При этом в экономиках многих стран Севера (прежде всего в США) развернулся процесс *деиндустриализации*, который привел к формированию нового фактора мирового

геополитического и экономического развития – возникновению *производственной зависимости стран Центра от стран периферии*. Добавим к этому формирующийся выход Китая (а затем и Индии) на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции, что позволит им избавиться от технологической зависимости от экономик Центра, и получим еще один вызов (рис. 2). Возникают вопросы: *почему это происходит и что делать?* Теоретиков и практиков развитых экономик это заставляет задуматься о проблемах *восстановления материального производства, развития новой индустриальной экономики*.

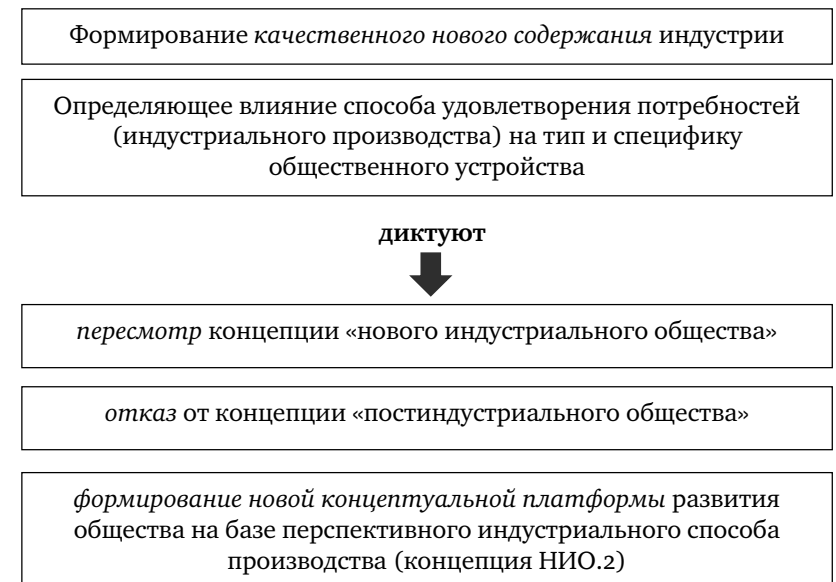

Рис. 2. Глобальный процесс «перетекания индустрии»

Исследование сущности феномена индустрии, доминант ее развития и наметившихся в последнее десятилетие вызовов подтверждает *неизбежность перехода к новому для челове-*

ского общества этапу его развития, *новой генерации индустриального общества* и даже – *новому типу общественного устройства*. Он настолько существенно отличается от того, что было в конце XX – начале нынешнего века, что можно говорить о нем как *новом типе общественного устройства*, которое можно назвать *новым индустриальным обществом* второго поколения (НИО.2). При этом НИО.2 и его экономика станут «отрицанием отрицания», диалектическим «снятием» и поздней индустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и другими «постиндустриалистами».

Чтобы охарактеризовать НИО.2 грядущей эпохи (рис. 3), проанализируем некоторые важные реальные *тренды развития современного материального производства, качественно меняющие процесс индустриального производства и его результат – продукт производства*.

Как уже отмечалось, всякий продукт, получаемый в результате производственной деятельности, содержит, помимо материальной основы, нематериальный элемент – *знание*, которое присутствует во всех компонентах производственного процесса и является *неотъемлемой частью продукта*.

Отметим, что на протяжении всей истории развития общества имеет место *непрерывное увеличение относительной доли знаний* во всех компонентах производства и в конечном продукте при относительном снижении в последнем доли «материальной» части. Этот тренд обеспечивает постепенное *качественное изменение производственного процесса и индустриального продукта* (как его результата). Появляются новые возможности для удовлетворения человеком своих потребностей, формируются новые потребности. При этом порой возникает иллюзия возможности их «нематериального, непроизводственного, неиндустриального» удовлетворения. Однако из этого следует вывод не об отрицании *определяющей роли материального производства*, а о *непрерывном росте знание-*

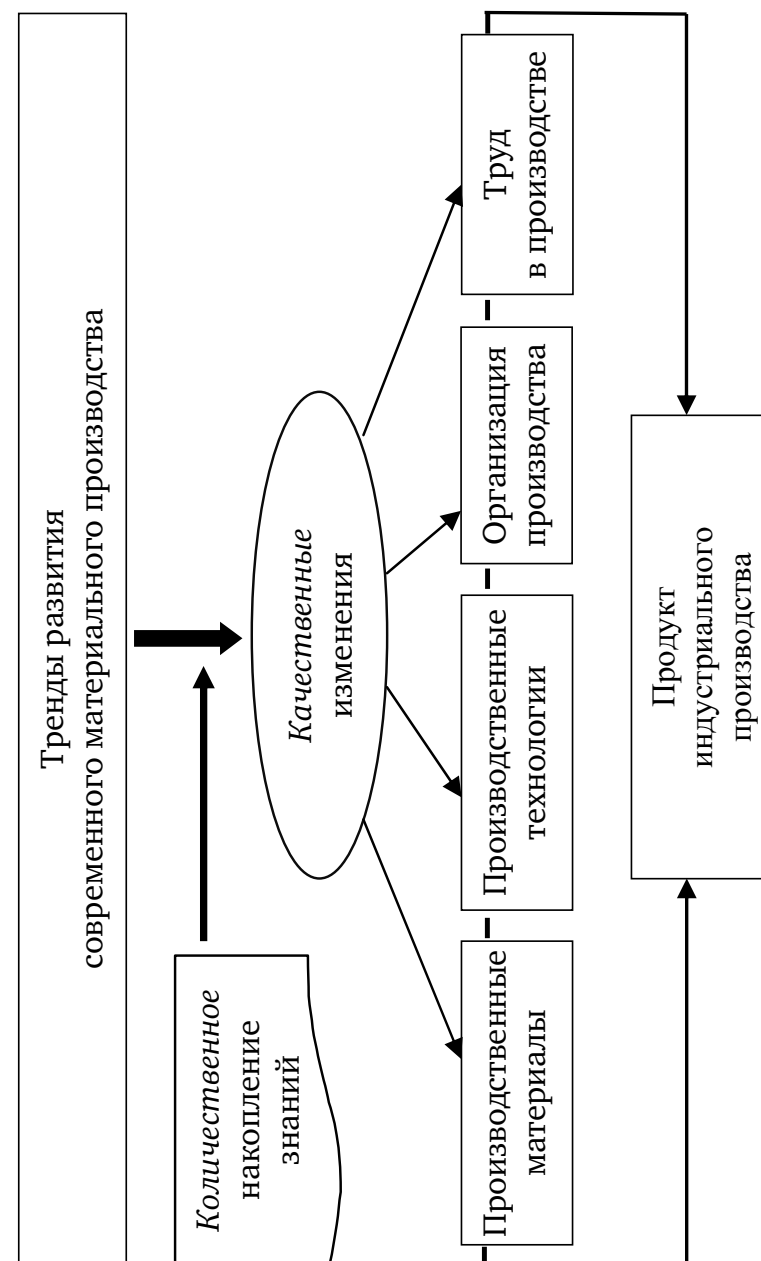

Рис. 3. Развитие современного материального производства

емкости продукта материального производства и переходе на этой основе к качественно новому типу материального производства.

С этой точки зрения, **знаниеинтенсивность технологий** материального производства есть результат критического синтеза достижений «традиционно-индустриальной» и «информационной» компонент экономики, который происходит в процессе современного высокотехнологичного производства. Определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не придатком машины (станка, конвейера), а носителем знания, трансформируемого в процессе такого производства в технологию. Как говорил К. Маркс: «...человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик»¹.

На этой основе формируется принципиально **новый тип материального производства – знаниеинтенсивное производство**. Его основными чертами постепенно становятся: переход к **приоритизации нематериальной доли** в продукте, непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энерго-, материало- и фондоемкости продукции. На рисунке получается крест (говорят – каждый должен нести свой крест), который коллеги в институте тут же окрестили «кривым крестом Бодрунова» (рис. 4).

Рассмотрим особенности знаниеинтенсивного производства:

– развитие «вширь» и «вглубь» производственного процесса, придание ему новых черт, позволяющих обеспечить максимальное «приближение» продукта к запросам потребителя при удельном снижении трудоемкости и стоимости его производства (индивидуализация, опциональность и т.п. с

¹Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

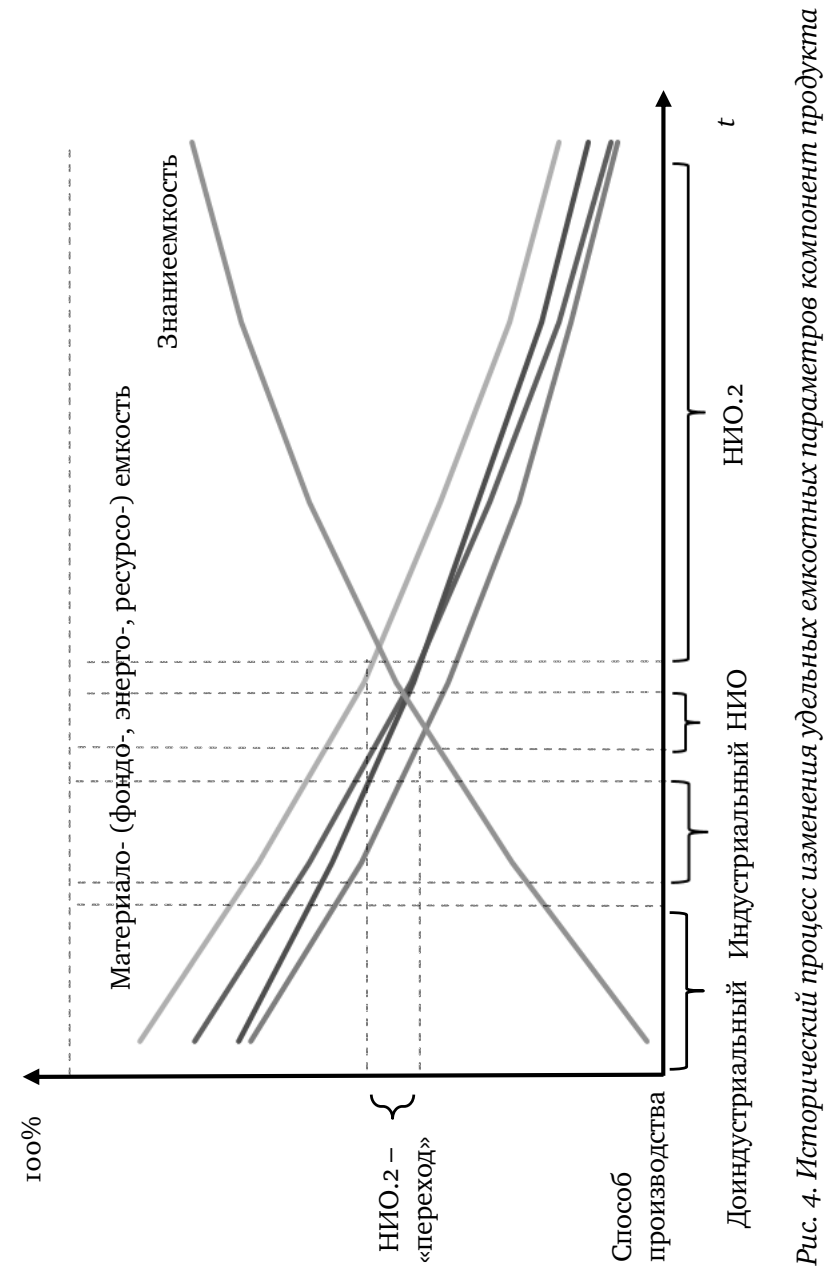

Рис. 4. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

одновременным активным ростом гибкости, модульности, унификации и пр.) и потенциально практически мгновенной доставке его потребителю, что в НИО.2 радикально меняет возможности удовлетворения растущих потребностей людей на базе развития *индустриального способа производства*;

- *сетевая модель структуризации индустрии*, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;

- признание в качестве базовых и интенсивное развитие *современных методов организации производства и управления* (just-in-time, lean-production и др.);

- экологическая чистота и ориентация на новые *источники энергии*;

- развитие *качественно новых технологий* в самом материальном производстве, транспорте, логистике (нанотехнологии, 3D-принтеры и т. п.);

- смена базовой технологической парадигмы индустриального производства – сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности в силу распространения аддитивных технологий;

- изменение *характера индустриального труда* в пользу приоритета *знаниеемких функций* (контроллинга, высокотехнологичного труда, внедрения «безлюдных» технологий, автоматизации, роботизации производства и т. п.);

- принципиальное *изменение технологий усвоения индустриальных знаний* и трудовых навыков, необходимых для осуществления эффективной производственной деятельности в условиях нового индустриального производства (гаджети-зация, чипизация, интернетизация, использование технологий виртуальной и «дополненной» реальности и пр.) и др.

На новой ступени развития индустриального общества (НИО.2) принципиальное значение приобретает тенденция к *нарастанию темпов технологических изменений, происходящих со все большим ускорением*. «Ускорение ускорения» становится характерным признаком, одной из *важнейших особен-*

ностей экономической системы грядущего общества. Принципиально важное значение приобретает *темп перевода научных достижений в непосредственное индустриальное производство*, в его компоненты, в *индустриальный продукт*. Вследствие этого индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев уже приобретает) характер *непрерывной инновации*. Все эти изменения ведут к *изменениям в макроструктуре экономики*, где *доминирующее положение* постепенно займут отрасли, образующие целостный комплекс, *создающие знаниеемкий продукт*: отрасли, в которых *производится данный продукт*, и те, где *создается само знание* и формируется человек, способный овладеть этим знанием и применить его в материальном производстве. Экономика такого общества должна базироваться на объединении (на микро- и макроуровнях) следующих звеньев:

- *знаниеинтенсивное высокотехнологичное материальное производство*, создающее знаниеемкий продукт;

- *наука*, создающая ноу-хау;

- *образование и культура*, формирующие человека, не только обладающего знаниями и применяющего их в производстве, но и способного их генерировать.

Таким образом, вычленяются *три главных сферы нового общественного производства*. Основой является (в этом случае автор выступает продолжателем традиции классической политэкономии) собственно *материальное производство*; наука реально становится *непосредственной производительной силой*; образование «через всю жизнь» является *непременным условием эффективности* производственной деятельности.

В результате изменений в содержании и структуре общественного производства **основным производственным звеном** (рис. 5) новой индустриальной экономики становится *индустриальный комплекс нового поколения, интегрирующий производство, науку и образование в едином производственном процессе* не только на макро-, но и на микроуровне. Такие

комплексы могут стать основой формирования индустриальных структур кластерного типа, соединяющих эти компоненты в едином научно-производственном процессе с единой инфра- и ультраструктурой.

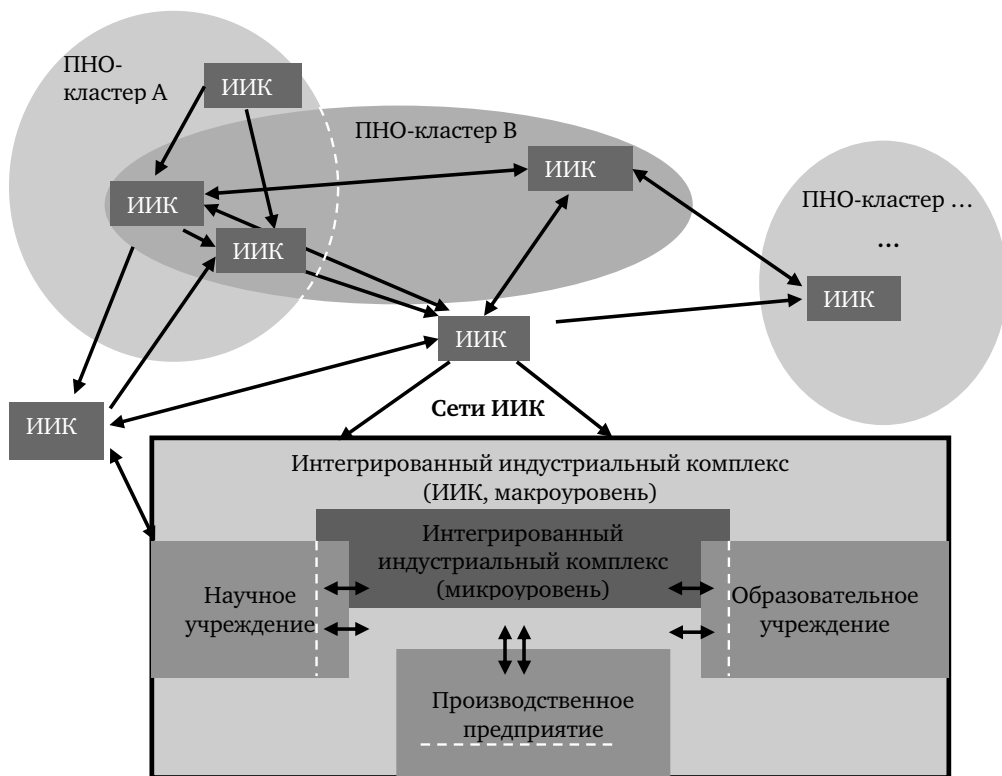

Рис. 5. НИО.2: основное производственное звено и производство

Развитие нового содержания и структуры общественного производства в условиях генезиса новой индустриальной экономики обуславливает **изменения в системе экономических**

отношений и институтов. Можно говорить о возрождении в новом качестве позитивных черт прошлого, что обуславливает новые вызовы к развитию начал *рыночного саморегулирования и частной собственности*, с одной стороны, и *государственного воздействия на экономику* – с другой.

Решение рассмотренных задач, а также задач развития сложных интегрированных производственных единиц и макроэкономической интеграции производства, науки и образования; существенной *структурной перестройки современных экономик*; вытеснения гипертрофированных сфер посредничества невозможно без *активной государственной промышленной политики* и долгосрочного *инвестиционного государственно-частного партнерства*. С учетом этих условий должны строиться (эти задачи уже решаются в ряде стран, в частности в КНР) все остальные сферы государственного регулирования экономики.

Серьезные требования к экономическим отношениям и институтам предъявляет и переход к массовому созданию и использованию знаниеемких продуктов. Синтетическая (интеллектуально-материальная) природа таких продуктов обуславливает многие иные изменения в системе экономических отношений и институтов. К примеру, приоритизация «нематериальной» компоненты в индустриальном продукте повышает рост значимости *интеллектуальной собственности*. В частности, собственность на такой продукт включает в себя систему прав, охватывающих как сам материальный объект, так и интеллектуальную составляющую, что влечет за собой существенные экономические изменения в создании индустриального продукта (в структуре затрат, их эволюции и т. п.). Не секрет, что в стоимости высокотехнологичных изделий (от современных авиалайнеров до сложных лекарственных препаратов) доля расходов на разработку технологий и охрану прав интеллектуальной собственности постоянно растет и сегодня уже сравнима, а в ряде случаев и выше расходов

на их производство. *В знаниентенсивном производстве роль «нематериальной» интеллектуальной компоненты станет превалирующей.*

Для России, развивавшейся в рамках постиндустриальной рыночно-фундаментальной монетарно-либеральной модели, приведшей к искажению структуры народного хозяйства, гипертрофии сырьевого сектора, неумеренной финансовализации и деиндустриализации, отмеченные задачи стоят особенно остро. *Необходима смена экономической модели и восстановление приоритета индустриального пути развития России.* Тенденции развития индустриального производства свидетельствуют: впереди – снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых, энергии, т. е. потребности в том, на чем стоит российская экономика, при резком возрастании роли индустриальных знаний, технологий, темпов их получения, освоения, имплементации в реальный сектор, развития и т. п. *Не за горами – новая технологическая революция. Очевидно, что экономическими лидерами НИО.2 будут страны – лидеры технологические.*

Что же делать нам? Я уже неоднократно говорил, что нужны: *реиндустриализация экономики, восстанавливающая в качестве базовой ее компоненты промышленность, а приоритета развития – индустриальное развитие, а также новая индустриализация, понимаемая как интенсивный рост потенциала индустриального развития на основе знаниеемкого производства, на новейшей технологической базе до уровня, необходимого для перехода к новой индустриальной экономике. Это требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации ответственных институтов и т. д.*

В частности, развитие высокотехнологичного материального производства и в силу специфики производственной деятельности нового этапа – необходимость поддержания все более высоких темпов имплементации знаний в продукт пред-

полагают возрождение и новое развитие разрушенной за годы реформ системы интеграции производства с наукой и образованием. Она должна осуществляться на новом уровне и в принципиально новых экономических формах, использующих потенциал государства, рынка и частной собственности, которые должны быть ориентированы на решение не только задач развития производства и технологий, но и фундаментальных задач развития человеческих качеств, социальных, экологических и других проблем общества.

Не останавливаясь на конкретных мерах промышленной политики, необходимых для достижения нашей экономикой параметров, позволяющих быть готовыми к переходу к НИО.2, напомню, что на предыдущем конгрессе мы разработали рекомендации, значительная часть которых вошла в различные государственные решения. Но и сегодня мы не можем сказать, что в России *сформирована целостная концептуальная платформа активной промышленной политики.*

Ю.Ю. Болдырев¹

Институциональное обеспечение
реиндустриализации России
в условиях недружественного
окружения

¹ Юрий Юрьевич Болдырев, российский экономист, публицист, политический деятель, канд. экон. наук.

1. Падение мировых цен на нефть – трагедия или шанс для нас? На протяжении многих лет, начиная с 1995 г., я неоднократно писал, что вечно жить за счет экспорта невозобновляемых природных ресурсов невозможно. Это ведет к научно-технологической деградации и усугубляет наше отставание от Запада. Наступит день, когда у нас перестанут все это покупать – просто возьмут и заберут.

Жизнь распорядилась иначе: катастрофически упали мировые цены на сырье, и прежний уровень жизни за счет фактического паразитирования на доставшемся от предков мы поддерживать не можем. Прозвучал предупредительный звонок, мы получили шанс одуматься, осознать бесперспективность прежнего пути, сменить направление движения.

2. Предстоит длительный период жизни в условиях крайне недружественного отношения самых развитых государств мира. Обоснование: может ли какая-то российская власть – сегодняшняя или завтрашняя – вернуть Крым Украине, даже если очень захочет? Не может и не сможет. Россия не выдает своих граждан и не может отправить их обратно на Украину против их воли. Точно так же не может выселить куда-то крымчан и отдать пустую землю.

Для Запада это, конечно, не причина, но основание для демонстративного противодействия нашему развитию. Нам предстоит реиндустриализация в условиях крайне неблаго-

приятного окружения – а это совершенно другая задача, требующая иных методов решения.

3. Предстоящее развитие нуждается в идейной, мировоззренческой базе. По Конституции ни одна идеология не может у нас устанавливаться как государственная, общеобязательная. Но из этого не следует, что сознательные преобразования можно провести без широкого согласия по ключевым мировоззренческим позициям. То есть, общеобязательный «ленинский зачет» вводиться не может, но единая мировоззренческая база для тех, кто будет разрабатывать и осуществлять программу развития, жизненно необходима.

Несколько важных составляющих:

а) мы в одной лодке, в неблагоприятном окружении, значит, вопрос о приоритете индивидуализма или коллективизма разворачивается уже не по нашему желанию, но объективно: нам придется сместить баланс в сторону приоритета коллективизма. Можно называть это коммунизмом, можно социализмом, а можно «солидаризмом» (хотя сам Л. Эрхард этот термин, вроде, не использовал, но многие именно так по объективным критериям характеризовали немецкий социальный механизм, ставший важной составляющей их послевоенного «экономического чуда»). И уже из такого мировоззренческого подхода неминуемо вытекают:

– самоограничение (или ограничение со стороны общества) доходов «ВПов», включая руководителей госкорпораций и полугоскорпораций;

– более высокое налогообложение личных доходов (особенно сверхдоходов) по сравнению с налогообложением производства;

– прогрессивное подоходное налогообложение с резким ростом обложения сверхдоходов;

– более высокое налогообложение рентных доходов по сравнению с налогообложением доходов от труда;

б) культивирование так называемой честной игры вместо нынешнего, по существу, аморального культа «успешности» (независимо от методов его достижения):

– поддержка и мотивирование созидательной деятельности с ограничением любых спекулятивных операций;

– жесткое пресечение всякого рода мошенничества вместо нынешнего фактического его поощрения путем «декриминализации» и т. п.;

в) принципиальный отказ от парадигмы постиндустриального общества, это – обман и ловушка; должно строиться индустриальное общество – современное, высокообразованное, ориентированное на наукоемкое и высокотехнологичное индустриальное развитие.

4. Исключение паразитических звеньев, встроенных во все сферы жизни – в экономическую и социальную системы и в госуправление. Яркие примеры таких звеньев:

– частные страховые компании, ни за что не отвечающие, ничем не рискующие и паразитирующие на фактически государственном (из государственных фондов) страховании, встроенные в систему ОМС;

– частные управляющие компании – паразитические посредники в системе ЖКХ, создающие иллюзию конкуренции;

– финансово-спекулятивные компании, управляющие заведомо мошенническим принудительным «накопительным» компонентом государственной пенсионной системы (должен быть исключен сам этот принудительный «накопительный» компонент, концентрирующий наши средства в интересах финансовых спекулянтов);

– вся система принудительных сборов «на капремонт» с размещением средств на длительное хранение на счетах в коммерческих банках – еще один механизм принудительного изъятия средств в интересах финансовых спекулянтов; что же касается «котловой» системы – если это социально ориентированный

инструмент, тогда он должен оформляться и управляться как нормальный налог – включаться в систему налогообложения;

- фактическая передача сбора налогов «на откуп», яркий пример – система «Платон» по взиманию платы за проезд грузовиков по федеральным трассам;

- система финансирования регионов путем их принуждения к кредитованию в коммерческих банках (во исполнение полномочий, переданных из Центра, но без источников средств и под угрозой уголовного наказания за неисполнение этих полномочий) с последующим перечислением из федерального бюджета положенных дотаций и субсидий и изъятием части из них в пользу банков в качестве уплаты процентов;

- намеренно созданная система формирования оборотных средств (после неоднократного их целенаправленного обесценивания, а также введения уплаты налога на добавленную стоимость по факту отгрузки товара, т. е. до получения оплаты за него) из кредитных ресурсов, одолженных под завышенные проценты у частных коммерческих банков;

- принудительное хранение оборотных средств предприятий на счетах коммерческих банков без гарантии их сохранности – предоставление как альтернативы возможности хранения оборотных средств на счетах государственной структуры, гарантирующей сохранность средств;

- «помощь» сельскому хозяйству, автопрому и т. п. путем ... субсидирования из госбюджета процентных ставок по кредитам – фактическая помощь коммерческим банкам под видом решения народнохозяйственных задач;

- «помощь» гражданам путем субсидирования части процентных ставок по ипотеке должна быть заменена подлинной прямой помощью получателю без привязки к кредитованию и без фактического перевода бюджетных средств частным банкам;

- требования постоянного платного обучения, переобучения и «повышения квалификации», платного получения «сер-

тификатов на ведение баз данных» и т. п., платного членства в «саморегулируемых организациях» и пр.

Список может быть дополнен как ныне действующими, так и постоянно внедряемыми новыми паразитическими элементами.

5. Разворот всей финансово-банковской системы на обслуживание реального сектора экономики и реиндустриализации страны. Прежде всего:

- Центральный банк (ЦБ) – это орган государственной власти, строго соответствующий Основам конституционного строя и вписанный в конституционную систему разделения властей; руководство ЦБ подконтрольно, публично подотчетно и наказывается;

- «независимость» ЦБ исключительно в части выполнения конституционной функции обеспечения устойчивости рубля, причем независимость исключительно оперативная, т. е. в строгом соответствии с правовыми рамками, количественными и качественными критериями, задаваемыми законодателем (аналогично оперативной независимости любой исполнительной власти);

- изъятие из монопольного ведения ЦБ вопросов, не отнесенных по Конституции к его компетенции (кредитно-денежного регулирования, регулирования деятельности коммерческих банков и т. п.), и функций «мегарегулятора» – это прямые полномочия исполнительной власти; сохранение за ЦБ функций денежной эмиссии и обеспечения устойчивости рубля, но строго в рамках регулирования этой деятельности законодателем (так как эти вопросы отнесены Конституцией к ведению Российской Федерации);

- в рамках межотраслевого баланса и признания кредитно-финансовой системы (включая всю банковскую систему) инфраструктурой развития реального сектора экономики введение регулирования рентабельности деятельности коммер-

ческих банков, которая должна быть не выше рентабельности обслуживаемых секторов реальной производительной экономики;

– во главе Центрального банка и Национального финансового совета должны стоять не финансисты, а представители реального сектора экономики, в интересах развития которого должно осуществляться управление ЦБ.

6. Разворот энергетической, транспортной, жилищно-коммунальной и иной инфраструктуры на обслуживание производящего сектора экономики, промышленного производства, сельского хозяйства, науки, образования и здравоохранения. Соблюдение межотраслевого баланса, регулирование рентабельности и сбалансированность уровней заработной платы: уборщица в «Газпроме» не должна получать больше, чем та же уборщица в школе или больнице.

7. Характер реиндустриализации: авторитарная или демократическая? На основе идей левых или правых? Лично я предпочитаю демократическую, но это не главное, возможны варианты. Важнее другое: реиндустриализация не должна быть симулятивной. Нельзя допускать, чтобы власть делала вид, что меняет курс, на самом деле ожидая, когда все вернется на круги своя, чтобы продолжить паразитировать на природных ресурсах, а значит – деградировать.

На основе левых или правых идей? На мой взгляд, лучше на основе социальных идей. Хотя бы потому, что в основе такой реиндустриализации и модернизации – признание приоритета нашего общего интереса (в условиях недружественного окружения) над личным интересом тех, кто и в нынешней ситуации, при продолжающемся падении, остается вполне успешным. Но и здесь возможны варианты, например, сочетание интересов – общего и частного. Но тогда нашими общими усилиями достижение частного интереса должно быть

жестко поставлено в зависимость от реализации общей задачи. Инструментами решения этой задачи являются межотраслевой баланс, подчиненный планам стратегического развития, и избирательное стимулирующее налогообложение. Должна быть создана среда, в рамках которой получить прибыль на нашей территории можно исключительно работой на реиндустриализацию страны, но не вывозом переработанного сырья или финансовыми спекуляциями.

8. Подлинная реиндустриализация возможна исключительно на основе суверенной экономической и социальной политики. Здесь все однозначно. Реиндустриализация в условиях неблагоприятного внешнего окружения может быть только суверенной, и прежде всего – независимой от тех, кто стремится во что бы то ни стало остановить наше развитие. Отсюда – постановка вопроса об отношении к ВТО – ключевому элементу управления развитием (путем сдерживания развития конкурентов) со стороны Запада.

Лично я – за полный и скорейший разрыв с ВТО, тем более что наши «партнеры» массово пошли на грубое нарушение правил и норм, введя односторонние санкции против России. Допускаю возможность постепенных и более мягких вариантов, но в любом случае – это один из ключевых вопросов.

9. Осмысленное движение требует ответственного управления. Хватит играть в Президента «выше всех», но ни за что не отвечающего, и отдельно правительство – как будто за все отвечающее, но с реальным статусом, вроде помощника Президента по хозяйству. Должна быть ответственная исполнительная власть, и тот, кто реально принимает решения, должен нести за них всю полноту ответственности.

Ответственная Государственная Дума (которую нельзя распустить по воле Президента, кроме одного случая – когда она не может сформировать ответственное большинство, от-

вечающее за все принимаемые законы). Независимый от давления или вмешательства Президента парламентский контроль – посредством независимой Счетной палаты (эту независимость предстоит вернуть), а также непосредственный парламентский контроль – через парламентские комиссии по расследованию, для компетенции которых не должно быть ограничений.

Ответственные ключевые министерства, прежде всего – экономического развития. Не нынешнее министерство безответственного прогнозирования, а ответственное за разработку и реализацию стратегии экономического развития, достижение плановых показателей, характеризующих уровень научно-технологического и промышленного развития, степень самодостаточности национальной экономики и сбалансированности внешнеэкономических связей, при недопустимости односторонней зависимости от кого-либо.

Ответственный Центральный банк как орган государственной власти, вписанный в систему разделения властей, руководство которого обществу подконтрольно, подотчетно и обществом наказуемо.

10. *Подлинное самостоятельное местное самоуправление, защищенное от криминала.* Это необходимо независимо от того, осуществляется ли реиндустриализация и модернизация в демократичном или авторитарном вариантах. В России местное самоуправление развивалось даже при абсолютной монархии. Но для этого необходимо жесткое подавление криминала на местах. Возможны только два варианта: либо криминал выкорчевывается сверху (я предпочел бы этот вариант), либо необходимо вооружать народ, чтобы он сам мог противостоять вооруженному криминалу. Если не сделать ни того, ни другого, то подлинное продуктивное самоуправление не состоится – все неминуемо превратится в сплошную «кущевку».

Заключение

В условиях неблагоприятного внешнего окружения, мы – в одной лодке. И по всем ключевым вопросам должны не настаивать на каком-то своем «идеальном» решении, а найти социальный компромисс. Это касается всех, граждан, выступающих за свою страну, за ее сохранение и развитие. В нынешней ситуации это означает – за приоритет национальных интересов, интересов национального развития над любыми иными.

А.В. Бузгалин¹

Социально-экономическое
возрождение России:
диалектика внутренней
и внешней политики

¹ *Александр Владимирович Бузгалин*, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор института социэкономии МФЮА, д-р экон. наук.

Не претендуя на категоричность выводов, постараюсь аргументировать основные тезисы, касающиеся диалектики внутренней и внешней политики экономического возрождения нашей страны, с учетом дискуссий, прошедших на конгрессе.

Первый тезис. Я совершенно не согласен с высказыванием Александра III, что у России нет друзей, кроме армии и флота. Наша страна была лидером в мировом экономическом, политическом, культурном процессе, только когда имела огромное количество друзей по всему миру, которые говорили «нет» НАТО, Вашингтону, политике колониализма, жертвами которого были десятки миллионов людей, притесняемых и уничтожаемых демократическими государствами: Францией, Нидерландами, США во Вьетнаме, Алжире, Камбодже – по всему миру. Тогда же миллионы людей учились бесплатно в нашей стране; Советский Союз интенсифицировал бесплатную передачу новых технологий и т. д. И это было не зря, потому что сегодня, когда минимальные подвижки происходят в Сирии, страны арабского мира говорят: «Наконец-то! Наконец-то возвращается то, о чем мы мечтали 30 лет, и о чем вы забыли»¹.

¹ Заметим, что реакция официальных лиц (как государств арабского мира, так и других) не всегда выражает позицию большинства рядовых жителей, но причины этого расхождения см. на следующей странице

Поэтому первый тезис: у России есть друзья, кроме нашей армии и флота. Если у нас других друзей не будет, мы станем пародией на США – будем такими же, только менее сильными, более злыми и более вредными.

России необходимо взаимодействовать с теми, кто готов проводить активный курс на разоружение, отказаться от использования силы (и прежде всего военной) как средства урегулирования международных и внутренних конфликтов и т. п. Обычно среди оснований новой нестабильности и роста насилия называют терроризм и шире – столкновение цивилизаций. Я считаю (о чем многократно писал), что это – следствие нынешней модели глобализации, порождающей неравенство (социальное, культурное и т. п.) и унижение стран третьего мира; обеспечивающей монополию развитых стран на современные средства насилия и пр. [2, 3].

На рубеже XX–XXI вв. вновь (как на стыке XIX–XX столетий) обостряется борьба за источники сырья – как старые (нефть, газ, цветные металлы, лес), так и новое «сырье» XXI в. – умы; за рынки сбыта и за геополитическую поддержку экспансии «своих» транснациональных корпораций. Вот для этого нужны армия, флот, ВВС, космическое оружие и, главное, угроза применения оружия массового уничтожения.

«Исламский фактор», «терроризм», «нарушение прав человека» – это только верхушка айсберга. Действительная основа всех этих проблем – защита державами, претендующими на имперскую роль, не интересов своих граждан, а интересов военно-промышленного комплекса, силовиков, корпораций и т. д. Вот почему нам следует *дружить только с теми, кто хочет снять базовые угрозы*. А для этого необходимы, как ми-

см. на предыдущей странице не являются предметом данного текста (о личном отношении правительств стран мира к действиям России, направленным на урегулирование конфликта в Сирии, см., например: [1]).

нимум, другие (не те, что предлагают НАТО, «большая восьмерка», ВТО и Ко) «правила игры» на мировом экономическом, социальном и политических полях. Эти альтернативные правила демократической, социально ограниченной, гуманитарно и экологически ориентированной системы, в которой доминируют институты мирового сотрудничества и мировое гражданское общество, хорошо известны. И за них следует бороться. Эта программа является абсолютно необходимым минимумом.

Кто готов поддержать эти новые правила? Большая часть неправительственных организаций (профсоюзы, пацифисты, экологи, правозащитники и др.) и социальных движений (в том числе десятки тысяч тех, что входят в международные альтерглобалистские сети) во всем мире; большая часть левой и левоцентристской оппозиции в парламентах многих государств; ряд государств мира (от Норвегии до Венесуэлы).

Россия должна стать защитником других правил другой игры. У наших граждан, болеющих за будущее своей Родины, есть только одна дорога противостояния имперским амбициям глобальной номенклатуры (в том числе и российской «элиты») – самоорганизация и поддержка тех социально-политических сил в России и в мире, которые будут последовательно бороться за переход к правилам мира, социальной ориентации экономики, приоритета гражданского общества и подлинной демократии во внутренней и внешней политике.

Второй тезис. Сегодня главный враг России – это проводники экономической политики, которая осуществляется в нашей стране. Если мы не предложим миру альтернативу неолиберальной модели, у нас не будет друзей, и мы сами себе будем врагами. Сегодняшний курс в нашей стране (в экономике, социальной сфере, политике) является гораздо более «эгоистичным», чем в США, тем более в Западной Европе. У нас нет сильной промышленной политики, нет планирования,

строго соблюдаемой системы социальных, экологических и гуманитарных нормативов, нет таких программ в области образования и науки, которые есть в США (не говоря уже о Северной Европе), нет социализации отношений собственности и участия работников в управлении, что есть в США и европейских странах¹. У нас нет гражданского общества и прогрессивного подоходного налога. Сокращается количество бесплатных (бюджетных) мест в университетах, растет реальная плата за школьное образование и медицину. К чему мы будем призывать при нарастании таких тенденций? Дружите с Россией, будем большими американцами, чем США?

Итак, второй тезис – надо менять социально-экономическую политику. Необходим переход к социально ориентированной модели экономического развития, опирающейся на передовое производство и исходящей из экосоциогуманитарных приоритетов. (С ключевыми элементами стратегии опережающего развития, соответствующей новой социально-экономической модели, можно ознакомиться в работах [8, 9, 10])

Третий тезис. Что мы можем предложить в качестве альтернативы, конкретных шагов, позволяющих осуществить изменения и ответить на стоящие перед страной вызовы, источником которых являются мировые тенденции?

¹ Речь идет о коллективных предприятиях, функционирующих на основе плана ESOP (Employee Stock Ownership Plan – план акционерной собственности работников) в США, Европе, Японии (см., например: [4]). В России эффективность коллективных предприятий выше, чем при других формах предпринимательской деятельности, но развиты они слабо (об этом см.: [5, 6]). Есть примеры успешной организации и развития коллективных предприятий в Китае: телекоммуникационный гигант Huawei («Ва-вэй») является частной компанией, принадлежащей сотрудникам [7].

Первое предложение, прозвучавшее сегодня на пленарном заседании: нам нужно умное производство (smart manufacturing). Об этом говорил в своем первом докладе, открывшем наш конгресс, С.Д. Бодрунов, а в докладе, завершающем пленарное заседание – Петер Шульце. Тезис был сформулирован докладчиками по-разному: в первом случае был «крест Бодрунова», выражающий идею нового индустриального общества-2, в котором доля знаний в конечном продукте все сильнее превышает долю материальных составляющих¹. Петер Шульце говорил об умной фабрике. Но в основе своей речь шла об одном и том же явлении, что неслучайно. Это мировой тренд, поэтому, говоря о реиндустриализации, мы должны понимать, что речь идет об умном, знаниеемком производстве, основанном на новейшей технологической базе и обеспечивающем системную интеграцию всех звеньев производственной цепочки в широком смысле – от идеи продукта до конечного потребителя. Обратите внимание на смещение акцентов: от бережливого производства (lean production), основной целью которого было непрерывное устранение потерь², наметился пере-

¹ Подробнее с основными положениями концепции нового индустриального общества-2, разрабатываемой профессором С.Д. Бодруновым, можно ознакомиться в работе [11].

² Под потерями в данной концепции понимаются действия, потребляющие ресурсы, но не создающие дополнительной ценности для потребителя. Концепция бережливого производства, разработанная и внедренная компанией «Тойота» в 60-е–70-е гг. прошлого века, представляет собой одну из первых успешных попыток системного решения в управлении производством, позволившего ответить на вызовы, стоявшие перед производством в то время. В России концепция стала набирать популярность в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (подробнее см.: [12]). Вызовы 4-й промышленной революции требуют новых концепций производства, и умная фабрика (умное производство) – одна из наиболее обсуждаемых в среде экспертов концепций.

ход к умному производству (smart manufacturing), которое будет более знаниеемким, более гибким, динамичным и индивидуализированным. Эта проблема была центральной темой Всемирного экономического форума 2016 г. в Давосе¹, ее активное обсуждение продолжается в научном и экспертном сообществе на различных уровнях во всем мире².

Второе предложение, обсуждавшееся на конгрессе, основано на тезисе, что без интеграции производства, науки и образования невозможен переход к новому, умному производству. Об этом говорили многие участники конгресса на пленарном заседании и в обсуждениях на конференциях, семинарах, «круглых столах». Это становится мировым трендом. Умная фабрика требует нового человека, участие которого в производстве все больше сводится к знаниеемким этапам проектирования, производства и управления, а само производство осуществляется 3-D принтерами и другими автоматизированными составляющими производственного процесса. Роль науки и образования становится ключевой в обеспечении самой возможности функционирования такой умной фабрики.

С этим связано третье предложение, прозвучавшее на конгрессе: культурное обеспечение всего этого процесса. Если у нас не будет нового человека (на пленарном заседании это прозвучало в докладе В. Т. Третьякова), то осуществление изменений в производственной, шире – в экономической, области невозможно. Значение науки, образования и, подчеркиваю, культуры для развития нового производства нельзя

¹ О вызовах четвертой промышленной революции, открывающихся возможностях и ожидаемых характеристиках подробно написано в программной статье президента Всемирного экономического форума в Давосе [13].

² С содержанием дискуссий о четвертой промышленной революции в российском научном и экспертном сообществе можно ознакомиться по обзорным материалам [14, 15].

недооценивать. Необходимо обращать на это внимание лиц, принимающих решение, аргументируя данную позицию в исследованиях, публикациях и выступлениях¹.

Для достижения перечисленных целей нужны средства. Это могут быть эффективно используемая природная рента² и налоги. При этом речь не о повышении налоговой нагрузки для всей экономики, а о дифференцированном подходе, позволяющем обеспечить большую социальную справедливость, и следовательно, большую эффективность национальной экономики³. Кратко поясню: прогрессивный подоходный налог – это аксиома цивилизованного общежития современного социума⁴.

¹ Вопрос о культуре в связи с перспективами развития России и мира исследуется в [16].

² Подчеркнем, что экспертным сообществом признано, что развитие стран, обладающих важными для мирового рынка природными ресурсами, зависит от проводимой правительствами этих стран политики. Не существует раз и навсегда заданного «ресурсного проклятья» (по нашим наблюдениям, это понятие чаще употребляется в средствах массовой информации, чем в научных исследованиях). Среди стран, достигших успехов в использовании природной ренты в качестве источника финансирования индустриализации, назовем США, Швецию, Австралию, Бразилию. Неэффективное использование природной ренты (преимущественно на личное обогащение элит или на финансирование неконкурентных производств) характерно для Нигерии, Конго, Анголы, Венесуэлы, Заира и ряда других стран (подробнее см.: [17]).

³ Именно о такой – положительной зависимости между социальной справедливостью и эффективностью – мы не раз говорили в своих выступлениях и публикациях с приведением необходимых аргументов (см.: [18, 19]).

⁴ На общемировом уровне необходимость введения глобального прогрессивного налога на капитал (или на богатство) как меру, направленную на снижение постоянно растущего экономического неравенства, предлагает французский экономист Томас Пикетти в широко обсуждаемой книге «Капитал в XXI веке» [20].

При этом средние налоги на доходы в условиях социально ориентированного развития могут быть не выше, чем в рамках либеральной модели; налоги на прибыль, реинвестируемую в социально, экологически, гуманитарно ориентированное производство и на личные доходы средних слоев могут быть минимальными, а налоги на доходы бедных должны стремиться к нулю. Налоги же на прибыль от посреднической деятельности, финансовых спекуляций, производства предметов роскоши, равно как и сверхвысокие личные доходы, должны быть максимальными.

У нас есть масса ресурсов, которые можно использовать за счет привлечения волонтеров и активизации деятельности гражданских ассоциаций (речь идет именно о добровольном труде граждан, желающих внести свой вклад в преобразование окружающего пространства и общества, а не об эксплуатации труда волонтеров).

Есть у нас возможности в области планификации (использование селективного регулирования и планирования¹), концентрации ресурсов, в сфере социализации собственности и распределительных отношений. Давайте идти по этому пути.

Список литературы

1. Химшиашвили П. Коалиция буксует: кто поддержал и кто осудил военную операцию в Сирии / П. Химшиашвили // РБК. – 2015. – 15 окт. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/10/2015/560d2f6a9a794744bcd58e23/> [дата обращения: 15.03.16].
2. Бузгалин А.В. С кем, против кого и как дружить России? / А.В. Бузгалин // Альтернативы. – 2007. – № 1. – С. 64–70.

¹ Подробнее о возможностях применения инструментов селективного планирования в рыночной экономике см.: [21–23].

3. Бузгалин А.В. Россия: новая империалистическая держава? / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, О.В. Барашкова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74–87.
4. На пути к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся / под ред. А. Колганова, Э. Рудыка, Э. Дж. Симмонса. – М.: Слово, 2001.
5. Хабибуллин Р.И. Акционерные общества работников: современное состояние, эффективность, проблемы и перспективы развития / Р.И. Хабибуллин // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 3. – С. 68–86.
6. Букреев В.В. Коллективное предприятие: к теории вопроса / В.В. Букреев, Э.Н. Рудык, Р.И. Хабибуллин // Вопросы политической экономии. – 2015. – № 4. – С. 67–78.
7. De Cremer, D. Huawei: A Case Study of When Profit Sharing Works / D. De Cremer, T. Tao. // Harvard business review. – 2015. – Sept. 24. URL: <https://hbr.org/2015/09/huawei-a-case-study-of-when-profit-sharing-works> [accessed 15.03.2016]).
8. Стратегия опережающего развития–III. – Т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. – М., 2011.
9. Колганов А.И. В поисках будущего России: «экономика для человека», или десять тезисов к разработке «стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю.М. Осипова к новому раунду дискуссии) / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин // Философия хозяйства. – 2011. – № 4. – С. 60–65.
10. Бузгалин А.В. Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М., 2014.

11. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С.Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2015. – № 4. – С. 9–23.
12. *Вумек Дж. П.* Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Дж. П. Вумек, Д. Т. Джонс. – 1-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2010. – М., 2004.
13. *Schwab, K.* The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond / K. Schwab // Web Economic Forum. Official site. Published 14 January 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond> (accessed 15.03.16).
14. *Кобяков А.* Вызовы XXI века: как меняет мир четвертая промышленная революция / А. Кобяков // РБК. Оpubл. 12 февраля 2016 г. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/12/02/2016/56bd9a4a9a79474ca8d33733> (дата обращения: 15.03.2016).
15. *Комиссаров А.* Технологический ренессанс: Четвертая промышленная революция / А. Комиссаров // *Ведомости*. – № 3938. – 14.10.2015. Оpubл. онлайн 13.10.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revoljutsiya>.
16. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Культура как онтологический императив: «перезагрузка» / Л.А. Булавка-Бузгалина // *Развитие и экономика*. – 2014. – № 6. – С. 134–147. Доступ к электронной версии статьи на сайте издания по ссылке: <http://devec.ru/almanah/10/1625-ljudmila-bulavka-buzgalina-kultura-kak-ontologicheskij-imperativ-perezagruzka.html> (дата обращения: 15.03.2016).
17. *Капица Л.М.* Использование природной ренты на цели развития: зарубежный опыт / Л.М. Капица // *Мировое и национальное хозяйство*. – 2007. – № 2.

- Доступ к электронной версии публикации на сайте МГИМО МИД России по ссылке: <http://www.mirec.ru/2007-02/ispolzovanie-prirodnoj-renty-na-celi-razvitiya-zarubezhnyj-opyt> (дата обращения: 15.03.2016).
18. *Бузгалин А.В.* Социальная справедливость как стимул экономического развития / А.В. Бузгалин // *Демократический левый проект: в поисках обновления* / под общ. ред. Б.Ф. Славина, Г.Ш. Аитовой. – М., 2015. – С. 121–137.
 19. Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теория: материалы науч. конф. / под ред. М.И. Воейкова. – М., 2007.
 20. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти; пер. А. Дунаева; под ред. А. Володина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
 21. *Бузгалин А.В.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А.И. Колганов // *Вопросы экономики*. – 2016. – № 1. – С. 63–80.
 22. *Бузгалин А.В.* Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // *Проблемы теории и практики управления*. – 2016. – № 1. – С. 8–21.
 23. *Бузгалин А.В.* Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // *Вопросы политической экономии*. – 2016. – № 1. – С. 21–43.

Р.С. Гринберг¹

Размышления
об экономике и геополитике

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

В последнее время, участвуя в международных конференциях, я заметил такую закономерность: чем выше неопределенность будущего, тем чаще устраиваются конференции. Значит, люди пытаются понять – что будет. 25 лет назад один хороший человек написал эссе под названием «Конец истории». И многим казалось, что это похоже на правду. Название, конечно, очень провокативное, оно и прославило. Безусловно, многие люди точно так же думали и писали, но названия у них были более скучные. Автор писал, что все устраивается к лучшему: тоталитарная система ушла, победили демократия, гражданское общество и социально-рыночное хозяйство. Правда, там не было социально-рыночного хозяйства, но считалось, что на Западе оно все-таки было. Но нас они учили, что надо отбросить это первое прилагательное, и мы последовали совету. И сейчас следуем. Профессор Карлик изрек одну сентенцию, которая очень соответствует тому, что происходит у нас: «врачи долго боролись за жизнь больного, но он, похоже, выжил». Мы 25 лет критикуем то, что происходит в стране, считаем экономическую политику неправильной и т. д. Зато мы имеем право критиковать, и это – достижение перестройки, которую принято не любить.

Но вернемся к международному аспекту. Мы – часть мира и нам не нужна самоизоляция. А что происходит в мире? Главное противоречие нашей эпохи (как нас учили в советские

времена) заключается в том, что мировая экономика, действительно, единая и требует какого-то общего регулятора. Именно в тот момент, когда она особенно требует этого регулятора, у нас начинается процесс деглобализации. С возвращением геополитики деглобализация усиливается. Один американец сказал, что мы все живем в одной большой деревне, которая требует сельсовета. А сельсовета не получается, и это очень серьезно, поскольку чревато мощными конфликтами. И проблема в том, что, как говорил господин Бодрунов, мы наблюдаем одновременно ускорение технологических изменений. Производительные силы возросли настолько, что через некоторое время самолеты будут летать без летчиков, машины – ездить без водителей, и многие профессии обесценятся. Но морально-этический прогресс, похоже, не имеет никакого отношения к прогрессу производительных сил.

Так вот, эта геополитика, которая вернулась сегодня в самом отвратительном виде – со взаимными угрозами, подозрениями и предрассудками, похоже, определяет характер нашей эпохи. И мы считаем, что сегодня в мире необходим морально-этический консенсус. И прежде всего следует обновить такую геополитику, когда наши победы – это обязательно поражения другого.

Теперь о России. В стране есть три потенциала, два из которых (природный и интеллектуальный) используются на полную мощность. Природный потенциал, действительно, эксплуатируемый на полную мощь, себя исчерпал в связи с окончанием эры дорогого топлива. Интеллектуальный потенциал больше работает на остальной мир, чем на собственную страну: лучшие выпускники российских вузов укрепляют мощь наших оппонентов. Мы очень много потеряли в индустриальном ландшафте и в образовании. И, на мой взгляд, безальтернативным вариантом нашего выживания в этом мире являются мегапроекты, прежде всего строительство высокоскоростных железных дорог и автомобильных дорог, которые

«стягивают» пространство России, где проживает 7 человек на квадратный километр. Позитивные экономические эффекты от мегапроектов совершенно очевидны, впрочем, как и риски их финансирования, но альтернативы нет.

Интересна риторика министра экономического развития России, сторонника сил саморегулирования, который недавно признался, что риски от государственных инвестиций намного меньше рисков от их отсутствия. И это правда. В данном случае речь идет о пресловутом государственно-частном партнерстве, когда государство инициирует проекты (а лучше – мегапроекты) и делает их «вкусными» в перспективе для частного бизнеса.

На самом деле состояние российской экономики отчаянное. Существует некоторая паника среди лиц, принимающих решения. Что же все-таки делать? Есть две школы мышления. Представители одной говорят, что надо улучшать инвестиционный климат, ждать ценового отскока, пытаться снизить инфляцию и «создать» дешевые деньги. Эта «мантра» звучит уже 25 лет. Другие, в том числе я, считают, что без государственных инвестиций не обойтись, но риски – сумасшедшие.

Самое грустное во всем происходящем – это снижение реальных доходов населения в сочетании с коммерциализацией образования, науки, медицины и культуры.

Выскажу одну важную мысль. Мы уже 25 лет ругаем правительственную политику, и это правильно, но, если мы хотим реальных перемен, мы должны превратиться из подданных – в граждан: ходить на выборы, изучать программы и пр. В этом году это принципиально важно. Есть такая демократическая страна – Австралия. Там, если ты не пришел на выборы, то должен заплатить штраф в 10 евро. Если второй раз не пришел, можно и в тюрьму попасть. Австралийцы поняли, что лучше, когда люди ходят на выборы, читают программы и выбирают, а не сидят в пивной и говорят, что они там все равно за нас все решили.

*А.Е. Карлик*¹

Оборонная промышленность
как драйвер российской экономики

¹ Александр Евсеевич Карлик, проректор по научной работе, заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор.

Наличие внешнеполитических коллизий (война санкций, скачки цен на нефть, приближение НАТО к границам России, украинский, сирийский кризисы и др.) в совокупности с внутренними проблемами (падение уровня жизни населения, рецессия промышленного производства, коррупция и др.) требуют от нас разработки стратегии социально-экономического развития и доведения ее до всех регионов.

За период 1991–2016 гг. зафиксировано три минимума промышленного производства (1998, 2009, 2015 гг.) (рис. 1). При этом в 1999–2007 гг. динамика носила характер восстановительного роста и была обусловлена наличием свободных мощностей, резким падением курса рубля и трудовыми резервами; к 2009 г. эти факторы роста были практически исчерпаны и к новому кризису 2013–2015 гг. экономика России подошла с потерей золотовалютных резервов (рис. 2) и новой волной санкций.

Будущее экономики России непосредственно зависит от вектора развития и определения точек роста. В мировой экономике известны пути преодоления кризиса: в частности, период Великой депрессии был преодолен (в том числе) за счет строительства транспортной инфраструктуры, введения общественных работ при строительстве дорог, модернизации предприятий инженерной инфраструктуры.

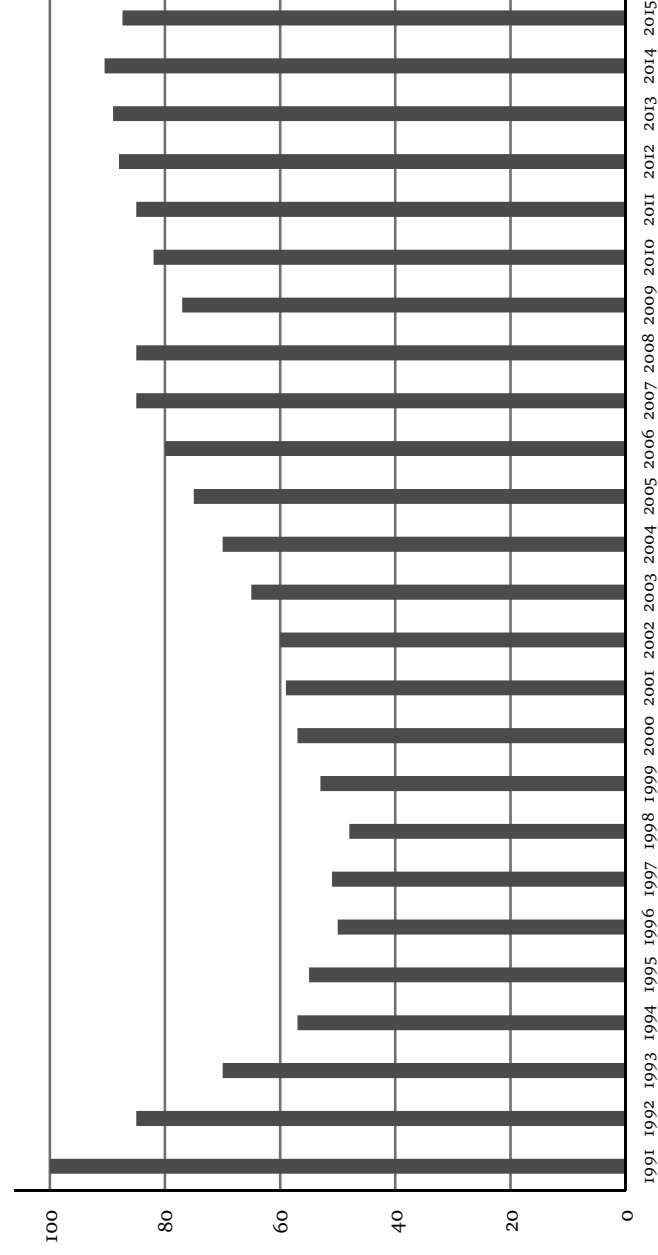

Рис. 1. Индекс промышленного производства в РФ (1991=1)

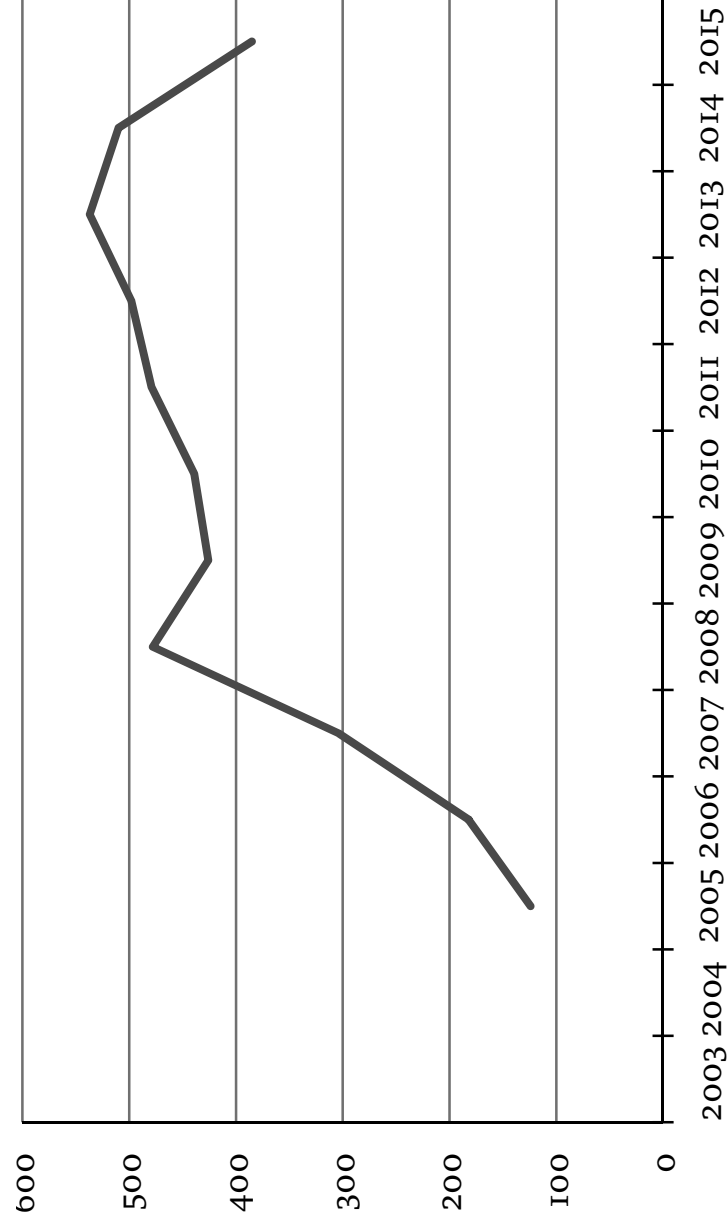

Рис. 2. Динамика величины золотовалютных резервов РФ, млрд долл.

Одним из направлений преодоления кризисных явлений в разных странах и в различные периоды являлось развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК). При этом ничто не вызывает больше споров в экономике, чем вопросы, связанные с ОПК: морально или аморально продавать оружие, есть ли польза от ОПК, поможет ли он развить нашу экономику или загубит ее, может ли ОПК повлиять на выход из кризиса? На все эти вопросы однозначных ответов нет.

Оценивая возможности России в условиях политических и экономических ограничений (как внутренних, так и внешних), признаем, что из всех потенциальных драйверов российской экономики реально доступны и необходимы для России два: разработка и реализация инфраструктурных мегапроектов, прежде всего строительство дорог (автомобильных, железных и др.); развитие оборонно-промышленного комплекса как драйвера научных исследований и высокотехнологичной промышленности.

Чтобы оценить состояние и возможности развития ОПК, рассмотрим мировые тенденции в сфере военных расходов и военной промышленности (рис. 3). Следует отметить постоянный рост мировых военных расходов (в 2015 г. – 1700 млрд долларов), причем основной вклад в этот рост вносят Китай, Индия и некоторые другие страны, осуществляющие в последние годы модернизацию вооруженных сил в целях создания современной военной промышленности.

Из всех мировых военных расходов на США в настоящее время приходится примерно 35 % (596 млрд долл.); военные расходы России в 2015 г. составили 66,4 млрд долл. (3,9%). При этом в статье военных расходов бюджета США не учитываются затраты на военные операции, например в Ираке и Ливии [1]. Отметим, что в последние годы наблюдались тенденция падения военных расходов США (во всяком случае, официально) и рост военных расходов России, которые практически не сравнимы с расходами США (рис. 4).

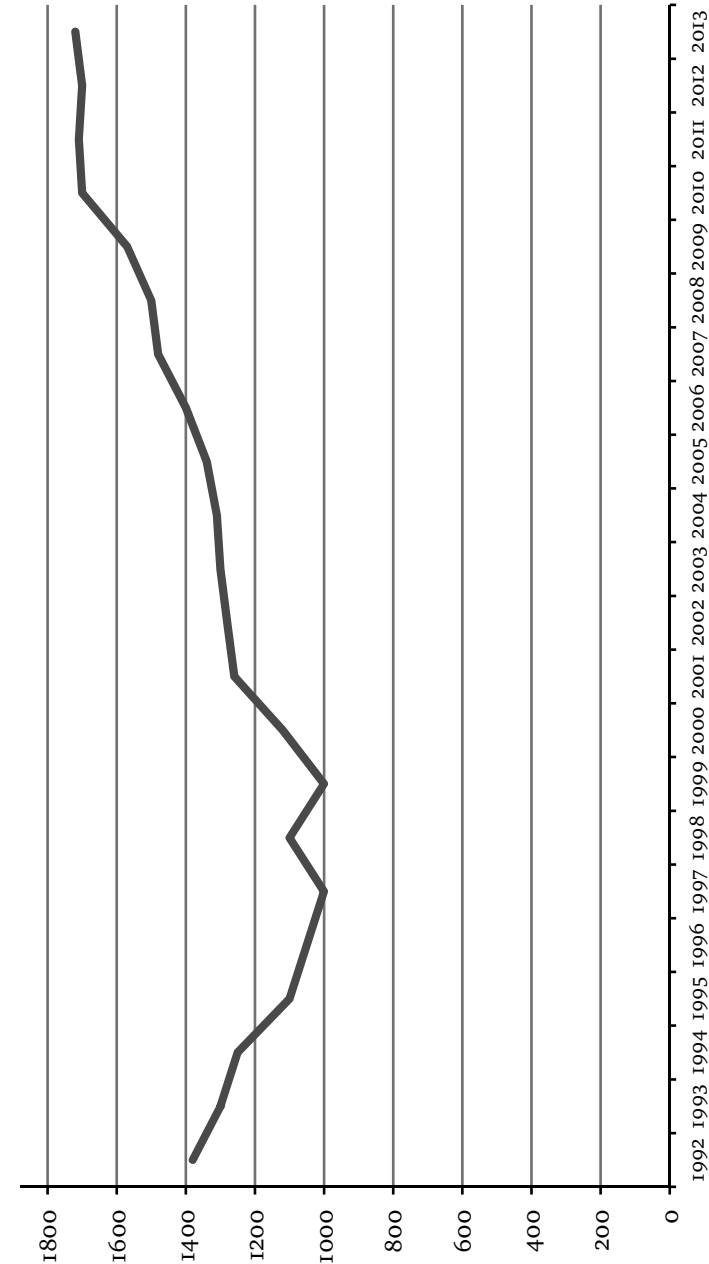

Рис. 3. Динамика мировых военных расходов, млрд долл.

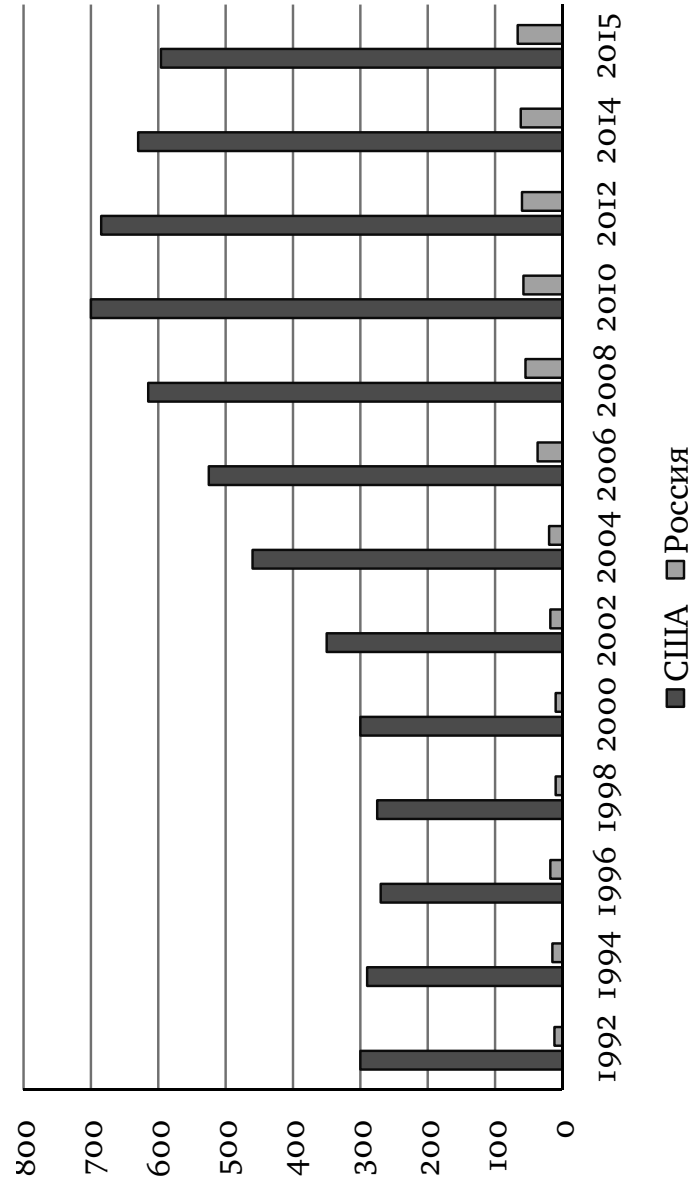

Рис. 4. Динамика военных расходов России и США, млрд долл.

Военные расходы – это та область затрат, где частный сектор экономики не может заменить бюджетные расходы. Никакая группа граждан или корпораций не может финансировать оборонные расходы, во-первых, из-за отсутствия достаточной мотивации и, во-вторых, потому что государство не может доверить им вопросы обороноспособности. Еще А. Смит идентифицировал защиту государства (общества) как одну из важнейших функций, частично оправдывающей величину налогообложения. Проблема в том, что бюджет государства ограничен и изменение его структуры и величины (например, рост доли военных расходов) может привести к росту государственного долга и в дальнейшем к росту налогов для покрытия этого дефицита. Кроме того, рост военных расходов означает снижение затрат на инфраструктуру, здравоохранение и другие сферы, контролируемые правительством. В этом смысле рост военных расходов носит негативный характер.

Экономическое воздействие военных расходов проявляется и в решении проблемы занятости, характерной для современного этапа развития мировой экономики. Вооруженные силы требуют военной техники, вооружений, формирования соответствующей инфраструктуры, создания различных частных фирм, поддерживающих их функционирование, а это – дополнительные рабочие места.

В современной структуре военных расходов основные затраты связаны с реализацией государственной программы вооружения, именно они должны стать объектом первоочередной оптимизации в направлении придания им инвестиционной сущности. Это обусловлено тем, что социально-экономическая система любой страны чрезвычайно сложна, прямые и обратные связи системы образуют единое целое. Так, предприятия ОПК осуществляют разработки двойного назначения, что приводит к положительным эффектам в оборонной, социальной и экономической сферах; обеспечивают занятость десятков тысяч человек по всей России; поддерживают на-

учные и образовательные центры и т.д. Труд в ОПК высококвалифицированный и дорогой, источником его оплаты при выполнении заказов в интересах обороны являются прежде всего средства федерального бюджета. Они целевым образом доводятся до занятых в высокотехнологичных областях промышленного производства, формируя систему побудительных мотивов и стимулов, направленных на развитие инновационного сектора; задают спрос на инженерное образование и т.д., являясь фактически инструментом селективной политики социально-экономического развития.

Сегодня в ОПК России работают более 4 тысяч компаний и предприятий, а совокупный вклад всей оборонно-промышленной отрасли по состоянию на 2013 г. оценивался на уровне 14...15 % ВВП.

На предприятиях ОПК трудятся более двух миллионов человек (вместе с членами семей это свыше 5 миллионов), т.е. практически 3,5 % населения страны. Для них сохранение финансирования оборонной отрасли – гарантия стабильной высокооплачиваемой работы и достойной пенсии. Кроме того, инвестирование в ОПК стимулирует развитие целого ряда отраслей экономики [2].

Тем не менее ряд экономистов считает, что создание рабочих мест за счет бюджетных средств сокращает количество рабочих мест, создаваемых средствами частного капитала (поскольку на решение этой задачи могли быть направлены средства, уплачиваемые частным сектором государству в форме налогов, в том числе на военные расходы).

Существует также мнение, что ОПК поглощает высококвалифицированные кадры, которые могли бы ускорить технический прогресс в гражданских отраслях научных исследований и промышленности. Тем не менее, есть примеры передачи в экономику оборонно-промышленным комплексом новых разработок. Создание микроволновых печей, интернета, GPS, беспилотников финансировалось преимущественно из бюд-

жетных средств, поскольку все это разрабатывалось как военная техника. Одним из показателей функционирования ОПК является его структура. Сегодня основную долю бюджета Минобороны России (62 %) составляют расходы по Государственной программе вооружения, представляющие собой инвестиции в ОПК [2]. Подтверждением является постоянный рост экспорта российской военной техники и вооружений (рис. 5), несмотря на серьезную конкуренцию традиционно сильных в этом направлении держав (США, Великобритания, Франция, Израиль) и развивающихся (Китай, Индия и др.).

В соответствии со статистикой доля экспорта машин и оборудования в общем объеме экспорта России в 2015 г. составила 6,0 % (31,82 млрд долл.) [3]. Анализ показывает рост доли вооружений и военной техники в экспорте машин и оборудования (рис. 6).

Е. Venoit (1973) так сформулировал положительное влияние роста военных расходов на функционирование вооруженных сил [4]:

– эффект безопасности – вооруженные силы, обеспечивая безопасность

страны, создают атмосферу, способствующую инвестициям и принятию долгосрочных экономических решений. В отсутствие безопасности возможен распад экономики;

– инфраструктура, создаваемая для вооруженных сил (дороги, аэропорты, доки, судоремонтные предприятия и коммуникации), может использоваться гражданским сектором внутри страны. Военные геодезисты, метеорологи, картографы могут оказывать геодезические и метеорологические услуги, принося дополнительные доходы;

– эффект развития человеческих ресурсов – призванные на военную службу получают первичный уровень подготовки, военную специальность, навыки, которые они смогут использовать на гражданской службе;

– формирование уважения к национальным ценностям.

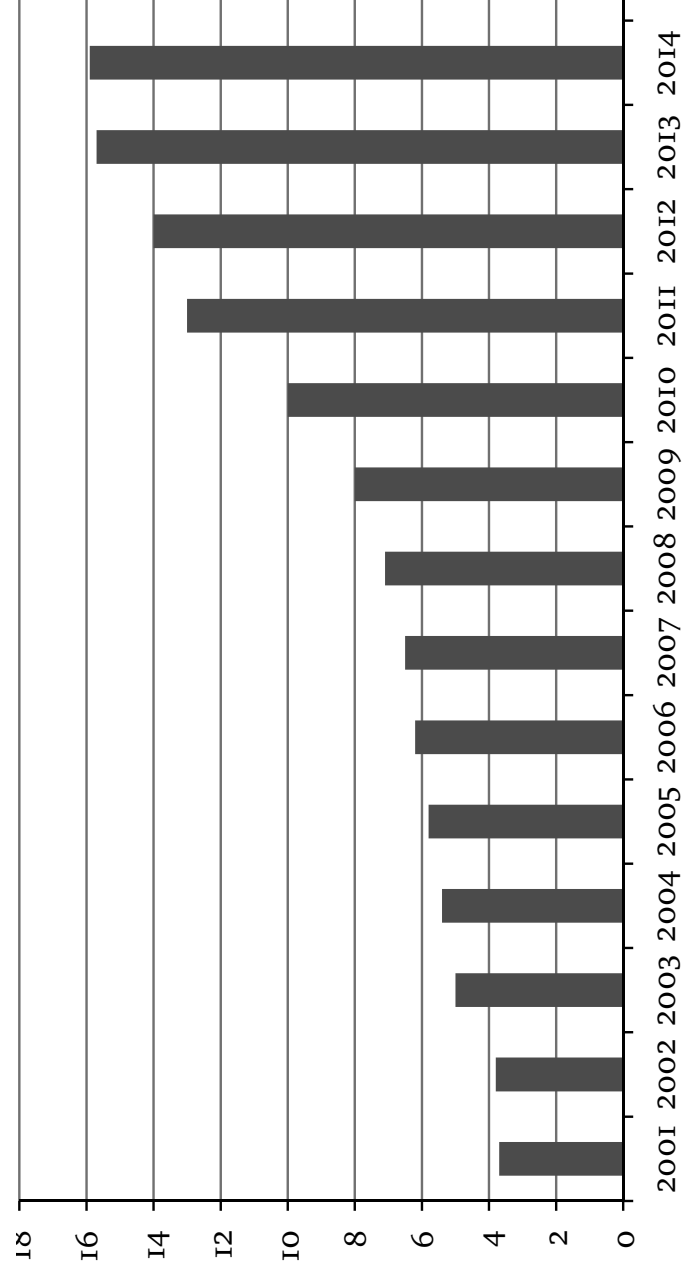

Рис. 5. Динамика экспорта военной техники и вооружений, млрд долл.

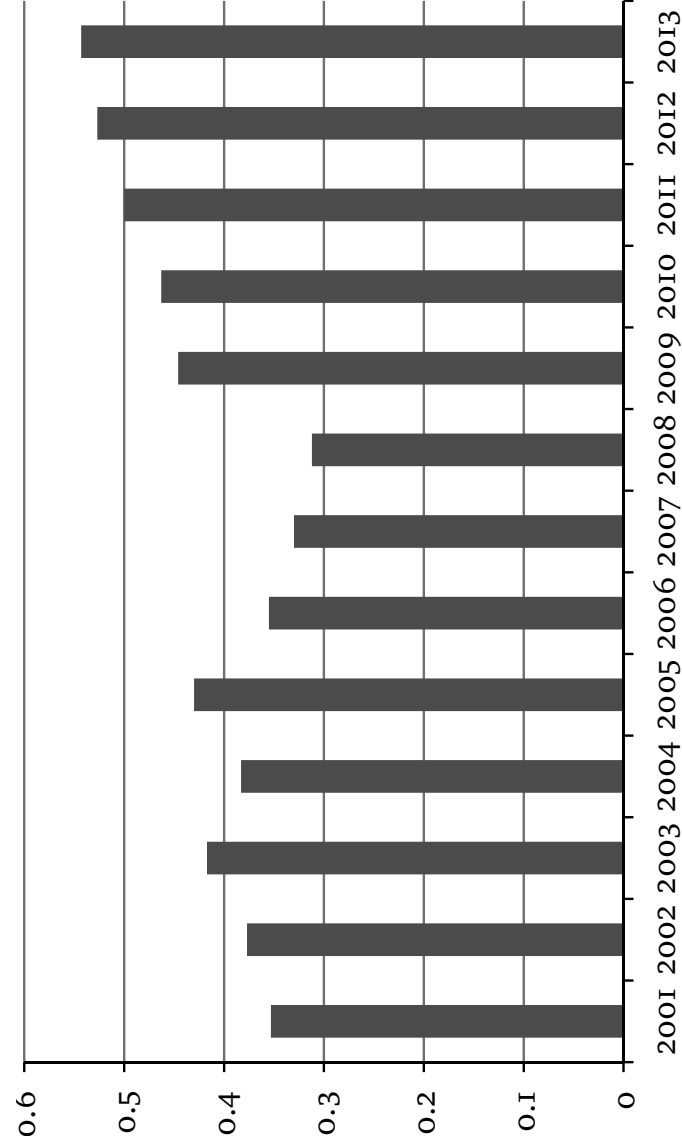

Рис. 6. Доля экспорта вооружений и военной техники в экспорте РФ машин и оборудования

Результаты эмпирических исследований, посвященных оценке влияния военных расходов на экономический рост, противоречивы. Так, Yildirim и Sezgin (2002) сообщают, что расходы на оборону приводят к экономическому росту, увеличивая совокупный спрос [5]. Они же считают, что военные расходы отрицательно влияют на занятость.

В России отношение к ОПК у различных групп ученых и политиков диаметрально противоположное. Так, А. Кудрин негативно относится к развитию ОПК как драйвера российской экономики: «В современной экономике нельзя создать маленькие оазисы высоких технологий и инноваций, тогда как остальная промышленность не будет соответствовать современному уровню. Период, когда мы на базе военных заказов создавали новые технологии, а потом они применялись в гражданской отрасли, прошел» <...> Там большое количество неэффективных предприятий, и сейчас на них возлагается задача, которую они, по нашим реальным проработкам, в таком объеме исполнить не смогут» [6]. В то же время Высшая школа экономики, ранее негативно относившаяся к росту расходов на оборону, отмечает: «Военные расходы, особенно гособоронзаказ, являются драйвером экономики» [7].

Таким образом, однозначно определить возможности и вектор влияния военных расходов на экономику государства нельзя без учета условий, в которых развивается государство.

Список литературы

1. Мировые военные расходы снова растут: Россия в лидерах. http://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160405_world_military_spending
2. Военный бюджет без тайн http://www.redstar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=22203

3. Экспорт товаров из России в 2015 году. <http://export-sng.ru/news/252/>
4. Benoit, E. Defense and economic growth in developing countries / E. Benoit. – Lexington Books, Lexington MA, 1973.
5. Sezgin, S. The demand for Turkish defence expenditure / S. Sezgin, J. Yildirim // Defence and peace economics. – Taylor & Francis Journals. – 2002. – Vol. 13(2).
6. Гладунов, О. Россия уходит в оборону / О. Гладунов. <http://svpressa.ru/economy/article/110934/>
7. Ректор ВШЭ: сокращение военных расходов – не приоритет. http://www.bbc.com/russian/business/2016/03/160316_kuzminov_interview

*Дж. Кьеза*¹

Ответ России
вызовам экономического
и политического кризисов
мировой системы

¹ Джульетто Кьеза, итальянский журналист, писатель и общественный деятель

Мне очень импонируют некоторые из прозвучавших выступлений, в особенности доклад Юрия Юрьевича Болдырева, который сказал, что мы все находимся в очень тяжелой ситуации, и неблагоприятные условия – это надолго. Думаю, что это характеристика нашего общего будущего. Поэтому мне кажется полезным изучение недавнего доклада, опубликованного National Intelligent Council США (это собрание всех секретных служб США), который практически ежегодно дает оценки общей ситуации в мире. Не зная того, что они думают, невозможно обеспечить собственную безопасность.

Тема доклада – российский ответ вызовам экономического и политического кризиса мировой системы, происходящего на наших глазах. Эти суждения и прогноз – совсем невеселые, в первую очередь для состояния того, что я называю империей. Надежды на мировой экономический рост ничтожны. Замедление роста в Китае (примерно на четверть) тянет вниз глобальный рост. В первую очередь это влияет на спрос на сырьевые товары, который обвалился, оказав давление на страны-производители в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Они буквально задыхаются не только как производители сырья, но и с финансовой точки зрения. В 2001–2014 гг. поток капитала из промышленно развитых стран в развивающиеся увеличился с 20,4 млрд долларов до 1,4 трлн долларов, а в 2015 г., по данным Банка международных расчетов, про-

изошел радикальный поворот – впервые за последние 30 лет более триллиона долларов переместились из развивающихся стран в промышленно развитые. Этот поворот – событие гигантского масштаба. Но эти капиталы остаются практически не использованными. Мы наблюдаем очень низкий рост во всех промышленно развитых странах, что негативно влияет на развивающиеся государства. Многие эксперты считают, что мировая экономика сталкивается с проблемами, гораздо более серьезными, чем циклические. Классический цикл был похож на восходящую спираль. Настоящая ситуация (с 2008 г.) очень похожа на порочный круг.

Почему я уделяю этому так много внимания? Потому что мне кажется, что в дискуссии об улучшении и возрождении экономического развития России нельзя не учитывать ситуацию в мире. Современный кризис – не русский, он – мировой. Очень важно понять, с чем нужно сравнивать структуру российской экономики.

Как выйти из порочного круга, в который попала мировая экономика. Господствующее течение в экономической науке делало ставку на денежно-кредитную политику. Однако в последние восемь лет все попытки перезагрузить машину всемирного хозяйства традиционными способами не сработали ни в Америке, ни в Европе. Не понятно, сработают ли они в России. На мой взгляд, нет, и по очень глубоким причинам. В этих условиях очевиден риск глобальной рецессии, избежать которой можно с помощью глобального финансового маневра, например путем снижения процентных ставок. Но даже когда эти ставки были «около нуля» (как в Европе, Японии и несколько недель тому назад – в США), это тоже не сработало. Недавний переход Вашингтона к повышению процентных ставок кажется больше тактикой, чем стратегией. Но мы не можем вести себя, как игроки в рулетку. Настоящие черные дыры являются эффектом серьезного дефицита спроса. Можно ли стимулировать спрос какой-то новой мерой в рамках су-

ществующей мировой финансовой системы? Маловероятно. Более того, хочу подчеркнуть, что все *цифры американского роста* – это *фальшивые цифры*, а мы принимаем их за настоящие. Господин Трамп, возможный президент Америки, во время предвыборной компании публично заявляет, что уровень безработицы – не 7, а 42%! Значит, надо очень внимательно относиться к цифрам так называемого роста экономики США.

Все прогнозы экономистов относительно тенденций роста ВВП, крупной промышленности в различных странах мира в течение следующих 5 лет (т. е. к 2020 г.) указывают на очень серьезное замедление. Я имею в виду последнее понижение прогноза Международным валютным фондом (по сравнению со сделанным в 2012 г.). При очень низком уровне инфляции в промышленно развитых странах и непрерывном снижении процентных ставок в последние 25 лет ожидания реальной процентной ставки (ее отношения к базе) будут равны нулю в течение ближайших 10 лет. Это прогноз Международного валютного фонда. И в свете этих прогнозов разогреть экономику невозможно даже при использовании самых смелых финансовых рецептов, которых пока никто не изобрел. В этих условиях думать о разрешении ситуации с помощью традиционных мер, самокоррекции рынка крайне нереалистично. Необходимы фундаментальные стратегические изменения. Но какие? Одно можно сказать наверняка: повторить опыт 1998–2008 гг. невозможно и даже опасно.

Посмотрим на цифры. В упомянутое десятилетие ВВП США вырос на 32% под аплодисменты Уолл-стрита и Лондонского Сити. Но сейчас, после падения Lehman Brothers, мы знаем, что 85% этого роста были обеспечены накоплением долга домашних хозяйств, который не мог быть оплачен! Котировки ипотечных ценных бумаг оказались сильно завышенными, что означало потерю почти всех вложенных в них денег, и в 2008 г. практически все банки США обанкротились. Прави-

тельством были спасены банки, приравненные к резервным системам, с чрезвычайным разрешением выпуска порядка 10 трлн долларов, т.е. долг был национализирован и перегружен на домашние хозяйства. Наконец, большая часть этого долга была списана на Европу.

В заключение можно сказать, что текущая ситуация эволюционирует в направлении обобщенного популизма – в США, Европе и в значительной части развитого мира. Нулевой рост экономики, наряду с отмиранием среднего класса и концентрацией богатства в руках очень немногих, вызывают острое недовольство масс, до недавнего времени ослепленных идеей бесконечного потребительства. В обозримом будущем изобилие и социальное обеспечение широким массам не светят. На Западе происходит самая настоящая политическая революция: традиционные партии исчезают, появляются новые, которые попытаются выбраться из этого мертвого места. Мы находимся в центре кризиса и не имеем решений для выхода из него.

Любое решение может быть найдено на пути выхода из парадигмы доминирующей в мире рыночной экономики, при понимании всех перечисленных сложностей. Для решения этой гигантской задачи потребуются совместные усилия различных цивилизаций, культур и религий. Существует еще фактор времени: нарастающий дефицит ресурсов и серьезное ухудшение экосистемы при отсутствии технологического прорыва происходят все быстрее. Это ведет к борьбе сильнейших за контроль над ресурсами и экосистемой. Данной ситуации надо уделить серьезнейшее внимание.

Из представленной картины вытекают политические задачи, которые и вы, и мы, на Западе, должны реалистично сформулировать. Возможности России защититься тем реальнее, чем меньше она зависит от западной модели развития. Одним важнейших условий достижения этой стратегической цели является постепенный выход из долларовой зависимости.

Россия, очевидно, не может сделать этого в одиночку. Естественным союзником в этой операции является Китай – вторая стратегическая мишень для наступления Запада. Эта операция, насколько я в курсе, хотя и медленно, но идет. Не знаю, есть ли время для этого постепенного выхода, но это необходимо, потому что каждое слишком резкое движение приведет к немедленному и, по-моему, глобальному конфликту. Однако отказаться от доминирования доллара очень важно – нельзя интегрироваться в систему, которая со всей очевидностью рухнет и развалится вместе с обществом изобилия и великими демократическими достижениями либерального общества.

*Е.Б. Ленчук*¹

Технологический вектор
новой индустриализации в России

¹ *Е.Б. Ленчук*, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук

Вряд ли сегодня кого-то надо убеждать в том, что стимулировать экономический рост в нашей стране можно только на основе структурной модернизации, возрождения индустриального развития на базе инноваций, характеризующих переход к новой модели развития. Либерально-монетарная политика, которую проводило наше Правительство на протяжении последних двух десятилетий, обернулась для страны развалом промышленного производства, повышением зависимости экономики от иностранных капиталов, технологии и продукции.

Состояние технологической отсталости в России выражается следующим образом:

– масштабная деиндустриализация и примитивизация национальной экономики, снижение промышленной активности, сокращение количества производств, связанных с высшими технологическими укладами, и вымывание технологически емких отраслей. Так, в 2013 г. доля материального производства в ВВП составила 39% (пороговое значение ЭБ – 66%), доля машиностроения в промышленном производстве – 14% (при пороговом значении 25%) [1]. В составе продукции машиностроения на 20% уменьшилась доля четвертого и пятого технологических укладов; в структуре технологий машиностроения преобладают базовые устаревшие технологии – доля прогрессивных технологий – 15...17% [2];

– старение производственной базы и медленные темпы ее обновления. Инвестиции в основной капитал в 2014 г. сократились до 17,5 % ВВП (при пороговых значениях ЭБ 25 %), что обеспечивало обновление производственного аппарата машиностроения на уровне 4...5%. В 2014 г. степень износа основных фондов по экономике достигла 47,3%, в обрабатывающих производствах – 44,7%, в высокотехнологичных – 47,1%) [3];

– падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках (в том числе высокотехнологичных). Доля России на мировом высокотехнологичном рынке устойчиво сохраняется на уровне 0,3 %. По отдельным видам высокотехнологичной продукции наша доля в 2013 г. составляла: в производстве авиакосмической продукции – 1,7 %, в производстве электроники и офисного оборудования – 0,16 %, в фармацевтике – 0,1 % [4];

– высокая степень импортозависимости от зарубежных материалов, продукции и технологий. За последние четверть века произошла переориентация отечественного машиностроения с обеспечения собственным оборудованием воспроизводственных процессов на удовлетворение текущего спроса на соответствующие виды оборудования за счет зарубежных производителей. Россия имеет отрицательное сальдо в размере 125 млрд долларов в торговле машинами и оборудованием со странами дальнего зарубежья. Уместно напомнить, что, по мнению экспертов, угроза национальной экономической и технологической безопасности возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25 %;

– высокая зависимость России от зарубежных технологий. В 2013 г. экспорт технологий из России составил в денежном исчислении 770,5 млн долларов, а импорт – 2,4 млрд долларов. Россия имеет отрицательный баланс в торговле технологиями с зарубежными странами в размере 1,7 млрд долларов [5];

– в условиях постоянного недофинансирования происходит разрушение отечественного научно-технологического потенциала, сокращение численности исследователей, старение научных кадров, «утечка мозгов». За годы рыночных преобразований мы практически лишились отраслевого сектора прикладной науки. В настоящее время все очевиднее становится угроза разрушения фундаментальной науки в условиях непродуманной и необоснованной реформы РАН;

– несмотря на постоянную работу государственных органов в сфере формирования национальной инновационной системы, показатели инновационной деятельности на протяжении последних десятилетий остаются на низком уровне, заметно отставая от аналогичных показателей в развитых и многих развивающихся странах.

Сложившаяся ситуация во многом объясняется отсутствием продуманной научно-технологической, инновационной и промышленной политики, а самое главное – их взаимоувязки. В стране сложилась парадоксальная ситуация, когда на протяжении длительного времени активно велась работа по формированию национальной инновационной системы при полном отрицании промышленной политики. А ведь именно в промышленности, и прежде всего в технологически емких отраслях, формируется спрос на инновации. На Западе сегодня не только возрождается интерес к промышленному развитию, но и активно пропагандируется курс на новую индустриализацию, которая предусматривает развитие производств на новой технологической основе. Основным содержанием новой индустриализации становится распространение «прорывных технологий», которые охватывают формирование новых отраслей и секторов экономики промышленности, воспроизводящих эти прорывные технологии, и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах экономики. Прежде всего речь идет о прорывных производственных технологиях, обладающих потенциалом качественного обнов-

ления производственных процессов, методов их организации и вовлечения трудовых ресурсов. Они способны создавать новые рынки и отрасли, выступать драйверами экономического роста. К таким технологиям относятся робототехника, 3D-принтинг, новые материалы, «Интернет вещей». По сути, такие технологии ломают представление о том, что и как производить, и формируют интеллектуальное производство. Они превращаются в драйвер экономического роста. По оценкам, например McKinsey, только прямой экономический эффект от применения 3D-печати к 2025 г. может достичь 500 млрд долларов.

Если Россия хочет быть конкурентоспособной страной, то она должна двигаться в этом направлении, для чего ей необходимо преодолеть технологический кризис. По имеющимся заделам в сфере передовых производственных технологий Россия пока серьезно отстает.

Решение этих проблем диктует содержание новой индустриализации для России. Задача среднесрочной перспективы – преодоление технологической отсталости и технологическая модернизация традиционных секторов промышленности, прежде всего инвестиционных отраслей. Это особенно важно в контексте импортозамещения. России предстоит удовлетворить огромный внутренний спрос за счет собственных технологий и собственной высококачественной продукции. Одновременно мы должны решать задачу долгосрочной перспективы, формируя конкурентные высокотехнологичные производства, связанные с развитием прорывных технологий высших технологических укладов, создавая под них соответствующую технологическую базу.

Чтобы сформировать технологический вектор развития, обеспечивающий быстрый рост отечественного промышленного комплекса, необходимо вести комплексную работу, которая должна базироваться на долгосрочных прогнозах научно-технологического развития и инвентаризации заделов

и содействовать решению актуальных задач социально-экономического развития. Такой вектор должна определять стратегия научно-технологического развития России на долгосрочную перспективу, формирующая приоритеты в контексте задач новой индустриализации.

Россия должна перейти к активному формированию собственных воспроизводственных цепочек, которые, в частности, должны содействовать решению задач импортозамещения. Однако речь идет не о копировании существующего, а о разработке конкурентного продукта, который может быть востребован не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

Под обозначенные приоритеты стратегии должна формироваться институциональная система. Если мы хотим создавать новые технологии и продукты, активно включиться в инновационные процессы, выстраивать собственные воспроизводственные цепочки, необходимо развивать фундаментальную и прикладную науку, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий; использовать кластерные стратегии; создать сеть центров превосходства на базе ведущих научных и образовательных организаций.

Очень важно подключить к решению задач научно-технологического развития финансовые институты развития. Сегодня их поддержку нельзя признать удовлетворительной. Так, например, при поддержке Банка развития в настоящее время реализуется лишь 5 инновационных проектов, которые составляют менее двух процентов от общего объема кредитного портфеля банка [6]. Если взять деятельность РВК, то фокус интереса этого финансового института направлен на поддержку рискованных проектов в области медицины и ИТ-технологий. На поддержку проектов в сфере промышленного производства и создания промышленного оборудования было инвестировано не более 7,5 % всех средств [7]. А ведь именно задачи обновления производственной базы отечественной экономики на основе внедрения передовых инновационных техноло-

гий являются сегодня наиболее актуальными, и позиции РВК в этом направлении могли быть более активными.

Стратегия научно-технологического развития должна предусматривать и решение кадрового вопроса для научно-технологической сферы (как высокопрофессиональных исследователей, так и инженерно-технических кадров). Сегодня крайнюю тревогу вызывают реформы в системе образования и в РАН. Отсутствие продуманных решений ведет к оттоку научных кадров из науки, неготовности инженерных кадров решать широкий круг современных научно-технических проблем. Так, например, на сайте Минобрнауки не так давно был размещен проект приказа «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования»: из 55 специальностей, предусмотренных обновленным перечнем специальностей и направлений подготовки высшего образования, сформированным в 2013 г., министерство в 2016 г. планирует сохранить только три. Еще 27 инженерных специальностей объединены в одну – «Обеспечение государственной безопасности», что противоречит основным принципам построения высшей школы, предусматривающим подготовку специалистов не только для обеспечения государственной безопасности, но и для отраслей гражданского сектора экономики [8].

Принципиально важно, чтобы Стратегия научно-технологического развития была вписана в дизайн Закона о стратегическом планировании и стала составной частью документов стратегического планирования. К сожалению, в самом законе в системе стратегических документов разработка стратегии научно-технологического развития не была предусмотрена, однако, есть указание Президента РФ о ее скорейшем включении, и уже начата ее разработка.

Должны быть единые сквозные научно-технологические приоритеты для всех стратегий и программ. Во всем мире научно-техническая и инновационная политика становятся не-

отъемлемой частью промышленной политики и, только обеспечив такое единство, страны добиваются результата в развитии промышленного комплекса. Этот путь должен быть ориентиром и для нас.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии: науч. докл. / С.Ю. Глазьев. – М.: РАН, 2014.
2. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики: науч. докл. / ИЭ РАН. – М., 2014. – 58 с.
3. Россия в цифрах 2015 г. / Росстат. – М., 2015.
4. Main Science and Technology Indicators 2014/1 / OECD. – 2014.
5. Индикаторы науки: 2015: стат. сб. – М.: НИУ-ВШЭ, 2015.
6. Ленчук Е.Б. Финансовые институты развития в решении задач технологической модернизации и инновационного развития / Е.Б. Ленчук // Федерализм. – 2015. – №4. – С. 7–24.
7. Годовой отчет о деятельности ОАО РВК в 2012 г. с. 19 / URL: http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/preview_RVC2012.pdf
8. Известия 29.01.2016

Р.М. Нуреев¹

От старой индустриализации к новой

¹ *Рустем Махматович Нуреев*, заведующий кафедрой экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, профессор.

1. **Особенности неоиндустриализации в условиях догоняющего развития.** Распад и крушение колониальной системы, подъем национально-освободительного движения в афроазиатских странах сделали феномен их развития предметом самостоятельного исследования. Вдохновленные опытом индустриализации в СССР, многие лидеры стран «третьего мира» рассматривали проблему отсталости прежде всего как технико-экономическую. Однако довольно скоро стало очевидным, что индустриализация в XX в. будет отличаться от классической индустриализации в развитых странах в конце XVIII–XIX вв.

Большое влияние на становление современных западных концепций модернизации «третьего мира» оказала теория перехода к «самоподдерживающемуся росту», которую выдвинул американский ученый Уолт Уитмен Ростоу (1916–2003). Ее основная идея заключалась в обосновании перехода от традиционного общества к современному обществу западного типа¹. При таком подходе термин *развитие* используется как синоним высоких темпов роста. Глубокие социальные и институциональные изменения оказываются в тени, на передний план выходит соотношение инвестиций и темпов роста валового национального продукта.

¹ Rostow W. The Take-off into Self-sustained Growth // The Economics of Underdevelopment. 2nd Ed. L., 1960. P. 154–186.

Если Дж. М. Кейнс исходил из того, что инвестиции определяют рост национального дохода, то его ученики, и прежде всего Р. Харрод, считали, что инвестиции зависят от темпов роста национального дохода. В условиях неоиндустриализации этот фактор становится важнейшим, что подтверждается развитием стран и континентов во второй половине XX в. Страны с высокими среднедушевыми темпами ВНП имели и высокие среднедушевые темпы роста валовых внутренних инвестиций (Китай, Ю. Корея и др.) и, наоборот, страны с низкими среднедушевыми темпами ВНП имели и низкие среднедушевые темпы роста валовых внутренних инвестиций, что было типично для стран Африки (рис. 1).

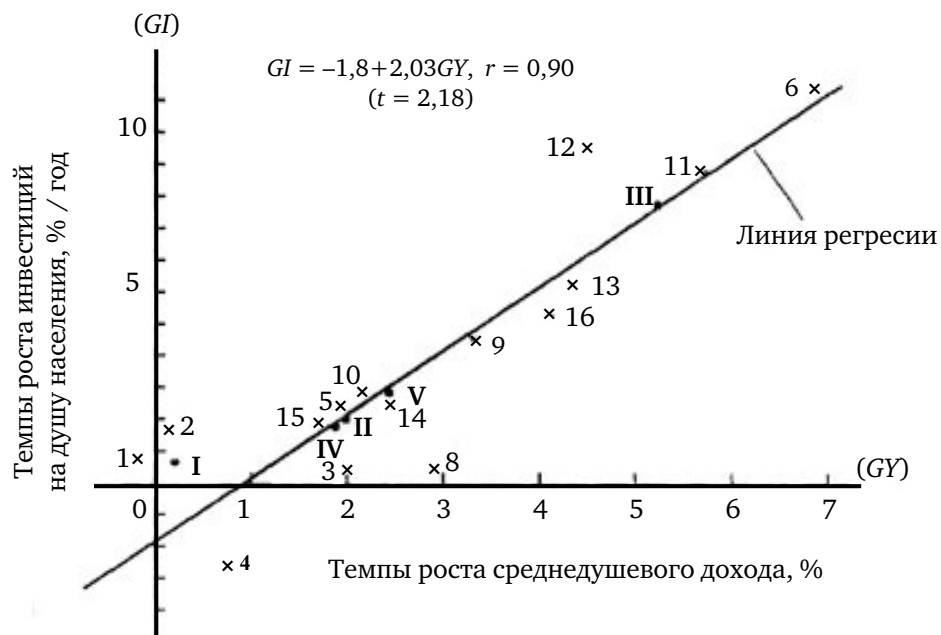

Рис. 1. Взаимосвязь среднедушевых темпов роста ВНП и валовых внутренних инвестиций в различных странах (в среднем за 1965–1990 гг.):

римскими цифрами обозначены регионы
(I – Африка; II – Южная Азия;
III – Восточная Азия; IV – Латинская Америка;
V – Организация стран экономического сотрудничества
и развития);
значком «x» и арабскими цифрами обозначены страны
(1 – Танзания; 2 – Нигерия; 3 – Кения;
4 – Бангладеш; 5 – Индия; 6 – Корея; 7 – Аргентина;
8 – Мексика; 9 – Бразилия; 10 – Великобритания;
11 – Китай; 12 – Индонезия; 13 – Таиланд; 14 – Франция;
15 – США; 16 – Япония)
(источник: Hayami Y. *Development Economics*
From the poverty to wealth of nations. Oxford. 1997. С. 37)

Н. П. Кузнецова схематически (рис. 2) изображает стадии Ростоу следующим образом: промышленный переворот соответствует 3-й стадии; стадия зрелости – 4-й; массовое производство – 5-й; информационная стадия – 6-й. Однако, в отличие от Ростоу, она обращает внимание на ускорение экономического развития в XX в. Если для Англии первая, вторая и третья (массовое производство) промышленные революции отделены друг от друга десятилетиями, то для Канады, Австралии, Аргентины, Мексики, Индии, новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (НИС ЮВА) они накладываются друг на друга. Индустриализация на базе парового двигателя отличается от индустриализации, базирующейся на электротехнической революции, и уж тем более от индустриализации, происходящей в условиях НТР. Понятно, что индустриализация в конце XX – начале XXI в. не может не использовать современные достижения. Поэтому феномен неоиндустриализации, как это ни странно, начался на периферии капиталистического мира, а в условиях формирования постиндустриального общества он был переосмыслен на базе достижений эпохи НТР.

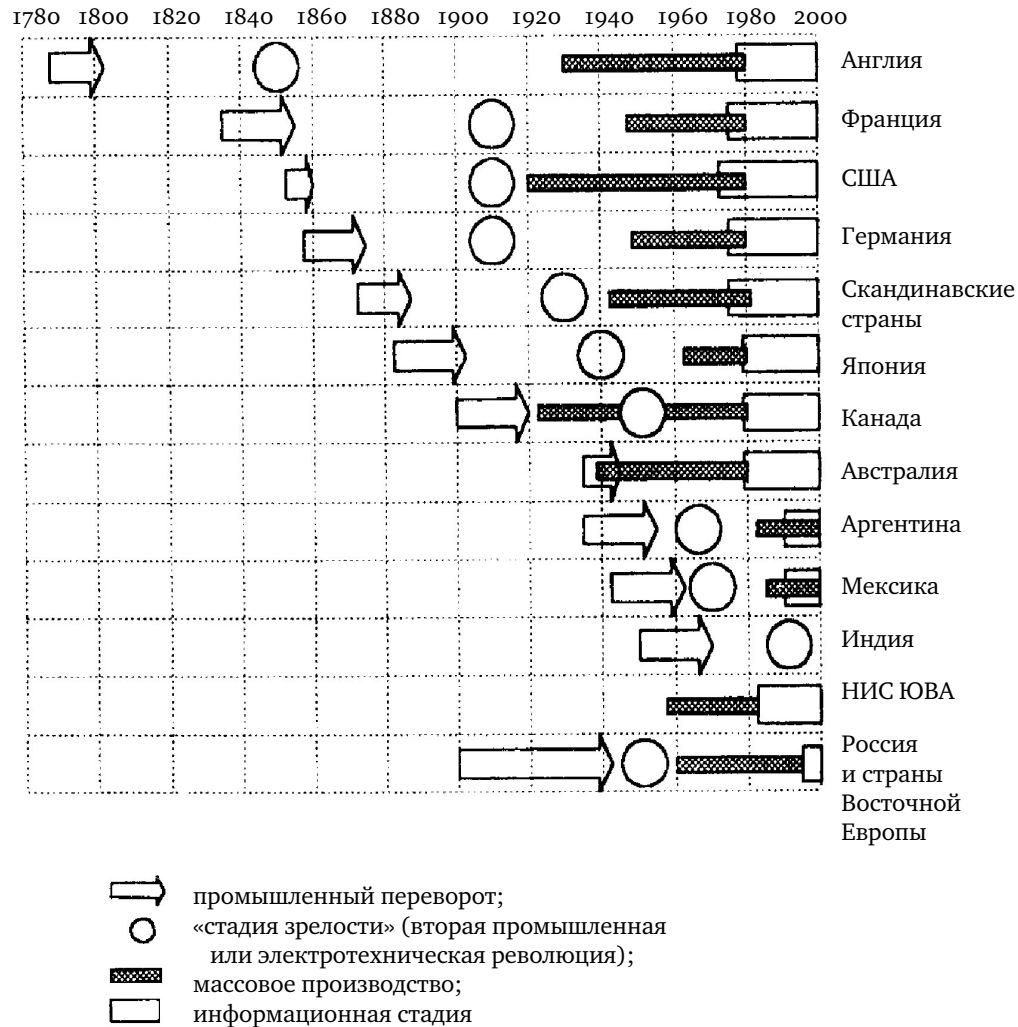

Рис. 2. Стадии экономического роста в различных странах (НИС ЮВА – Новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии) (источник: Кузнецова, Н. П. Экономический рост в историческом контексте. СПб., 1996. С. 106)

2. Развитие концепций постиндустриального общества и новой экономики и начало осмысления феномена неиндустриализации. Первоначально теоретики постиндустриального общества утверждали, что новый этап кардинально отличается от этапа индустриализации и не является индустриализацией как таковой. В своих работах они подчеркивают отличия научно-технической революции от промышленной. Главным фактором в условиях промышленной революции считались средства производства, а теоретики новой экономики акцентировали внимание на развитии главной производительной силы – работников. Поскольку промышленная революция связывалась с революцией в материальном производстве, теоретики постиндустриального общества подчеркивали нематериальный характер сферы услуг.

Однако постепенно стало очевидно, что создание новой экономики невозможно без соответствующей системы производительных сил. Другое дело, что эти производительные силы опираются на науку и научные достижения. Маркс выделял три формы и три этапа развития производительных сил. На первом этапе господствуют естественные производительные силы, после промышленной революции – общественные, после научно-технической – всеобщие. Важнейшим фактором всеобщих производительных сил Маркс считал науку и степень ее технологического применения в реальном процессе производства.

Даниэл Белл (1919–2011) связывал научно-техническую революцию прежде всего с революцией в сфере телекоммуникаций. Если в XIX – 1-й половине XX в. двумя основными формами коммуникаций были газеты, журналы и книги, с одной стороны, и телеграф, телефон, радио и телевидение – с другой, то во второй половине XX в. главным фактором становится развитие средств компьютерной связи. В 1980 г. в статье «Социальные рамки информационного общества» Белл сформулировал 5 проблем, которые должно было решить человечество в ближайшие десятилетия:

- 1 – объединение телефонной и компьютерной систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну модель;
- 2 – замена бумаги электронными средствами;
- 3 – расширение телевизионной службы через кабельные системы;
- 4 – хранение информации и систем ее запроса на базе компьютеров в интерактивной информационной сети, доступной всем;
- 5 – расширение системы образования на базе компьютерного обучения.

Другой известный теоретик постиндустриального общества – Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006) в работе «Новое индустриальное общество» (1967) выдвигает понятие «техноструктура», суть которой заключается в монополизации знаний и принятии основных решений без владельцев капитала. Изменения функций менеджеров связаны с дальнейшим обобществлением производства, когда ведущую роль в экономике начинают играть крупные фирмы, осуществляющие свою деятельность в планетарном масштабе. Крупная фирма, по мысли Гэлбрейта, может (за редким исключением) лучше, чем небольшая фирма, контролировать цены и издержки, убеждать своих потребителей и управлять ими. Она способна защитить себя от снижения прибылей в результате конкуренции и таким образом сохранить свои доходы, имеет больше возможностей избавиться от затрат на рабочую силу, которые она не в состоянии регулировать. Таким образом, крупная фирма способна более надежно оградить себя от нежелательных изменений доходов, что могло бы вызвать вмешательство в ее дела акционеров или кредиторов либо в связи с неблагоприятной реакцией общественности повлечь за собой вмешательство профсоюзов, потребителей или правительства.

Новое индустриальное общество, по мысли Гэлбрейта, характеризуется: высокой степенью обобществления хозяйства, укрупнением промышленного производства, высоким уров-

нем производства и доходов на основе достижений научно-технического прогресса, усилением роли государства во всех сферах экономики и планирования хозяйственного развития.

Питер Фердинанд Друкер (1909–2005) интересен нам прежде всего как автор концепции «информационного работника», получившей развитие в работах «Будущее индустриального человека» (1942), «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества» (1968), «Посткапиталистическое общество» (1993), «Задачи менеджмента в XXI веке» (1999). Ориентирами для нашего меняющегося общества, считает Друкер, являются появление новых технологий и отраслей промышленности, переход от международной экономики к мировой, утверждение общества организаций, усиление важности знаний как движущей силы социально-экономического развития. «Чтобы общество организаций стало по-настоящему свободным обществом, – писал П. Друкер, – нужно, чтобы личность взяла на себя ответственность, и прежде всего ответственность за вклад – как свой собственный, так и организации»¹.

В конце XX в. целью существования организаций становится повышение их эффективности, зависящей от деятельности образованной и всесторонне развитой личности, которая, по мысли П. Друкера, может проявиться только в организации. Общество организаций рассматривается им как пространство для проявления индивидуальности личности через осознание собственной ответственности. Развитие информационного общества, в котором необходимость применения знания проявляется в ежедневной трудовой деятельности, создает предпосылки для экономического и социального равенства.

Обратим внимание, что будущее общество разные авторы видят по-разному: как постиндустриальное, как посткапитали-

¹ Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007. С. 165.

стическое, как когнитивное и т.д. (рис. 3). Это свидетельствует о том, что сама теория общества будущего находится в стадии становления и не понятно, какие из уже появившихся черт станут доминирующими.

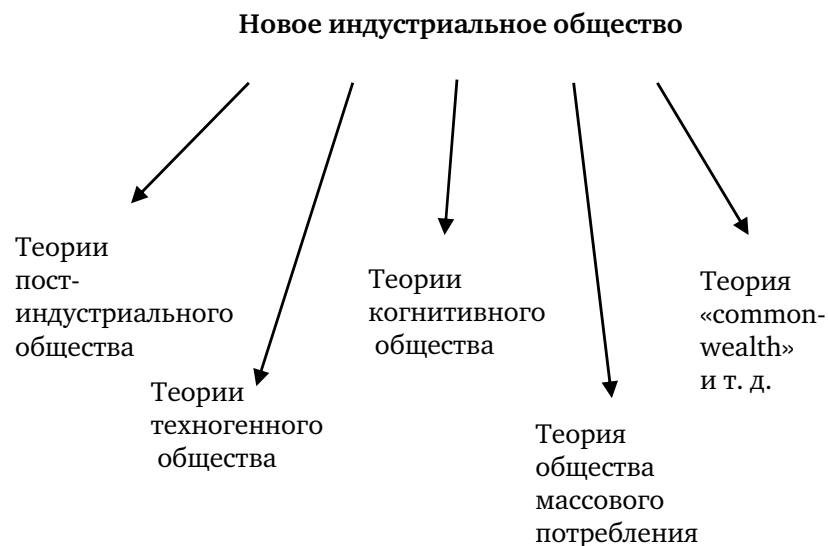

Рис. 3. Концепции постиндустриального общества

В частности, Мануэль Кастельс (р. 1942) развивает концепцию сетевого общества в работах: «Информационный век: экономика, общество, культура» (1996–1998), «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, Бизнесе и Обществе» (2001), «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004, в соавторстве), «Сетевое общество: От знания до политики. Центр трансатлантических отношений» (2006, соредатор), «Мобильная коммуникация и общество: глобальная перспектива» (2006, в соавторстве). С точки зрения Кастельса, ключевым является разделение населения земного шара на интернет-имущих и интернет-неимущих. Дело не в обладании интернетом как таковым, а в том, насколько интернет стал органичной частью

современного общества, средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Совсем по-другому представляется современное общество Элвину Тоффлеру (р. 1928). Основными его работами по теории постиндустриального общества являются «Шок будущего» (1970), «Столкновение с будущим» (1972), «Потребители культуры» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Адаптивная корпорация» (1985), «Сдвиг власти» (1990), «Война и Антивоина. Опыт выживания на пороге XXI века» (1993), «Революционное богатство» (2006).

Наибольший резонанс имела его работа «Третья волна». Позднее в работе «Война и Антивоина» он дополнил идеи прогресса, типичные для «третьей волны», характеристикой прогресса в сфере вооружений. Здесь особенности современной неоиндустриализации проявляются наиболее ярко. Он описывает десять главных черт экономики «третьей волны»:

1. Для факторов производства – это знание (информация, данные, изображения, символы, культура, идеология, система ценностей). Оно становится заменой других материалов, при этом подчеркивается, что знание – неисчерпаемо. Оно является также решающим ресурсом разрушения и факторов поражения.

2. В области нематериальных ценностей наиболее важна способность создавать, распределять и применять знания. Это характерно и для военной сферы, где решающими факторами становятся лучшая разведка и связь, хорошо обученные солдаты, а не просто их численность.

3. Для «третьей волны» типичен уход от массовости. Происходит сдвиг от однородности к разнообразию. Это мы наблюдаем и в сфере вооружений, где решение индивидуальных задач позволяет увеличить эффект разрушения системы обороны противника.

4. Серьезные изменения, связанные с активным повышением квалификации и снижением взаимозаменяемости, ох-

вывают и *сферу труда*. Так же и в армии, где главным фактором становятся квалифицированные солдаты.

5. Для поддержания конкурентоспособности и поощрения инициативы необходимы новые идеи – *нововведения*. Они типичны и для гражданской, и для военной промышленности.

6. Изменяется и *масштаб* – малое вытесняет большое, малые фирмы приходят на смену гигантам. Это касается и военной сферы: численность армии сокращается за счет использования более интеллектуальной технологии.

7. Существенные изменения затрагивают *организацию*: приоритетным становится поиск новых форм (гибких и маневренных). Вооруженные силы также постепенно отходят от жесткого управления сверху вниз.

8. Э. Тоффлер выделяет *изменения и в системной интеграции*: возрастающая сложность экономики требует более развитых интеграции и управления. Системная интеграция становится характерной и для управления в военной сфере.

9. Развивается *мощная инфраструктура*, основанная на новейших достижениях в электронике.

10. Для современной экономики типично *ускорение* всех процессов: увеличиваются темпы операций и работ; обостряется конкуренция; деньги перемещаются со скоростью света, а информация перемещается еще быстрее; в военной сфере от быстроты выполнения маневров зависит успех всей операции.

Ален Турен (р. 1925), в отличие от своих коллег, акцентирует внимание на проблеме формирования и развития социального капитала в будущем постиндустриальном обществе. Выходят «Социология действия» (1965 г.), «Постиндустриальное общество» (1969 г.), «Производство общности» (1973 г.), «В защиту социологии» (1974 г.), «Жажда истории» (1977 г.), «Критика модернити» (1992 г.), «Что такое демократия» (1994 г.), «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные» (1997 г.). Для А. Турена самым главным является развитие субъекта – Человека с большой буквы. Проблема в том, что люди предъ-

являют все более высокие требования к социальным стандартам бытия, а общество далеко не всегда соответствует этим требованиям. Только там, где найден адекватный ответ на вызовы эпохи, общество движется вперед. Эти идеи получили своеобразную интерпретацию в работах Фрэнсиса Фукуямы.

Фрэнсис Фукуяма (р. 1952) обращается к развитию социального капитала. У него вышли книги «Конец истории и последний человек» (1992 г.), «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1995 г.), «Великий разрыв» (1998 г.), «Наше Постчеловеческое Будущее: Последствия Революции Биотехнологии» (2002 г.), «Государственное устройство: Управление и Мировой порядок в 21-м веке» (2004 г.), «Америка на Перекрестке: Демократия, Власть и Неоконсервативное Наследство» (2006 г.) и «После Неоконсерваторов: Где Право пошло не так, как надо» (2006 г.).

По мысли Ф. Фукуямы, социальное состояние современных государств характеризуют рост преступности и социальной дезинтеграции, разрыв родственных связей как социального института, падение рождаемости, сокращение числа браков, увеличение числа разводов и внебрачных детей, падение доверия к общественно-политическим институтам, мимолетность социальных связей, снижение межличностных обязательств. Это и есть основные черты «великого разрыва». Основа этих процессов – *социальный капитал*, т. е. набор неформальных ценностей или норм, разделяемых членами группы, которые определяют возможность сотрудничества внутри этой группы. Каждое общество обладает социальным капиталом, но все они различаются *радиусом доверия* – параметром, показывающим, что определенные нормы сотрудничества распространяются на группы различного объема, а не на общество в целом.

Главная составляющая этих процессов – переход от индустриального к информационному обществу в экономической сфере. Здесь есть как положительные черты, так и отрицатель-

ные по своим социальным последствиям, например *великий разрыв*, который начал проявляться примерно с середины 1960-х гг.

Главной задачей государственной политики является сохранение и стимулирование роста социального капитала. Поэтому необходимо осторожное отношение к государственным социальным программам, некоторые из которых могут привести к снижению уровня ответственности и солидарности. Согласно Ф. Фукуяме, основой государственной политики является способность государства обеспечивать общественную безопасность и стабильность прав собственности.

Сегодня, когда наша страна проходит сложный этап политических, экономических, культурных преобразований, не утихают споры: что же лежит в основе хозяйственного успеха, какие составляющие наиболее важны для формирования в России развитого, процветающего общества? В этом смысле книга «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» дает пищу для размышлений российским политикам, экономистам и философам.

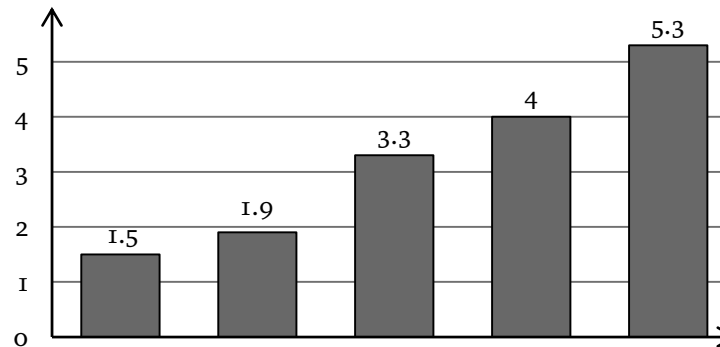
*В.Т. Рязанов*¹

Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России

¹ Виктор Тимофеевич Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

Анализ текущей ситуации в мировой экономике и в экономике России свидетельствует о сохранении доминирования спекулятивно-финансового капитала, что препятствует переходу в фазу устойчивого и сбалансированного роста. Такую ситуацию фактической экономической стагнации можно с достаточным основанием определить не столько как «новую нормальность», сколько как «новую ненормальность», весьма похожую на депрессивный период 1930-х гг. [2].

Приведем несколько примеров, подтверждающих продолжающееся господство спекулятивного капитала. Согласно представленным данным о динамике валютных сделок на основных площадках мировой экономики, после кризиса их объем продолжает увеличиваться с приростом более чем в 1,5 раза (см. рисунок). В годовом пересчете общий объем валютных операций уже превышает 1,5 квадриллиона долларов. Для сравнения: ежедневный оборот валюты, связанный с обслуживанием операций с товарами и услугами, составляет около 55 млрд долларов, т. е. чуть больше 1 % от всего оборота валютных сделок. К этому следует добавить еще более масштабный объем операций на глобальном рынке ценных бумаг, оборот на котором достигает 7 трлн долларов в день.

Среднедневной объем торгов валютой в мире, трлн долл. [1]

К сожалению, экспансия спекулятивно-финансового капитала захватила и Россию. Согласно данным по финансовым операциям на Московской бирже (ММВБ+РТС), ведущей в нашей экономике, преобладающий объем сделок приходится на валютные операции, которые в феврале 2016 г. составили 1,45 трлн рублей в средневзвешенном измерении, увеличившись по отношению к 2005 г. почти в 22 раза (см. таблицу). Для сравнения: объем кредита коммерческих банков РФ нефинансовым организациям за указанный период возрос примерно в 6 раз, достигнув около 30 трлн рублей в годовом измерении. Это означает, что годовой объем валютных сделок в 3-4 раза превышает годовой ВВП страны. Такая сверхвысокая активность на валютном рынке неудивительна, поскольку прибыльность на нем в 2015 г. достигла 80 % в годовом измерении, что несопоставимо с нормой прибыли в обрабатывающем секторе народного хозяйства (5...7 %). Ненормальная ситуация с неустойчивостью курса рубля обусловлена фактическим самоустранением Центрального банка России, в результате чего валютный рынок превратился в главный центр прибыли, где доминируют спекулянты, среди которых значительная доля приходится на нерезидентов.

Среднедневной оборот на ММВБ (Московской бирже), млрд р. [3]

Показатель	2005	2010	2016 (февр.)
Весь оборот	106	794	2400
Фондовый рынок	28	341	724
Валютный рынок	68	267	1450

Таким образом, экономическое устройство в посткризисный период характеризуется сохранением масштабных диспропорций и спекулятивных искажений. Перечислим основные из них:

- самодостаточность и избыточная прибыльность в финансовой сфере;
- преобладание в экономической мотивации ориентации на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде;
- возникновение нового финансового пузыря в виде огромного объема производных инструментов (по оценкам, от 625 трлн до 1 квадриллиона долларов);
- блокирование канала перевода сбережений в инвестиции в производство;
- неустойчивость роста и нарастающая угроза неизбежности нового кризиса.

Мы перечислили далеко не все существующие диспропорции, но и этого достаточно для вывода об отсутствии в посткризисный период значимых подвижек в нормализации и оздоровлении хозяйственной деятельности. Балом по-прежнему правит стремление к наживе любой ценой, а эффективного противодействия в виде экономико-правовых и этических барьеров нет. Такая ситуация не нова – она раскрывает системную подоплеку мирового кризиса глобального капитализма 2008–2009 гг., напоминая, в частности, ситуацию в годы Великой депрессии. Выход из системного кризиса требует радикального переустройства хозяйственного механизма, это

убедительно доказывает Дж. М. Кейнс в работе по обобщению опыта проведения антикризисной политики в годы Великой депрессии. Английский экономист не случайно обратил особое внимание на значение финансовой сферы в антикризисной политике, подчеркивая, что выход из кризиса производственной сферы требует активизации инвестиционной деятельности, чего невозможно добиться за счет частных инвестиций даже при снижении ставки процента до предельно низкого уровня. Данный вывод нашел подтверждение в современной практике. Поэтому государство вынуждено «брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций», которую Кейнс называл «социализацией инвестиций» [4, с. 229, 453]. Такая позиция реалистична и соответствует установке на приоритетность стимулирования роста производства и занятости. Одновременно она объясняет главный смысл хозяйственной системной перестройки, которая требовалась в 1930-е гг. и была реализована в последующей модели регулируемой государством рыночной экономики.

Позднее фактически об этом же, акцентируя необходимость обуздания финансовой экспансии, писал авторитетный последователь кейнсианства Х. Мински, подчеркивая, что «... сложное и динамическое устройство самой финансовой системы, такое как оно есть, становится дестабилизирующей силой, порождая глубокие депрессии в условиях нерегулируемого капитализма: поэтому финансы нельзя оставлять на откуп свободным рынкам» [5, р. 324]. По сути дела, речь идет о возрождении модели регулируемой и социально ориентированной экономики в обновленном варианте, как она была представлена в кейнсианской теории и осуществлялась после Второй мировой войны. Ее отличительная черта – усиление внимания к формированию и организации функционирования финансовой сферы – поиск варианта сбалансированного взаимодействия реальной экономики с финансовым сектором, ибо разрыв между ними порождал и будет порождать

системные причины возникновения тяжелых экономических кризисов¹.

В мировой хозяйственной практике накоплен значительный опыт балансирования двух секторов хозяйства, обеспечивающий более или менее эффективное «укрощение» спекулятивной деятельности и экспансии финансов. Подчеркнем, что лишь при достаточно жестких рамочных условиях относительно финансового капитала можно рассчитывать на достижение устойчивого и сбалансированного роста с благоприятными социальными последствиями. Среди наиболее известных примеров – опыт реформирования финансовой сферы в США, накопленный в годы Великой депрессии. Ключевую роль в нем сыграло принятие в 1934 г. закона Гласса–Стиголла о разграничении функций депозитных и инвестиционных банков, направленного на сдерживание спекуляций в финансовой сфере. В немалой степени благодаря его действию реальное производство достаточно успешно развивалось, поддерживаемое необходимыми инвестициями. Отмена данного закона в 1999 г. разрушила барьеры, установленные в финансовой сфере, придав сильный дополнительный импульс формированию спекулятивно-финансовой модели экономики.

Полезен послевоенный опыт Японии, которая пошла по другому пути – через жесткое нормирование финансовой деятельности всех коммерческих банков. Оно осуществлялось по самым разным направлениям, реагируя на потребности народного хозяйства. Особое внимание уделялось установлению нормативов в формировании активов банков. В этот период в их структуре доля кредитов производственному сектору и физическим лицам поддерживалась на уровне не менее 70% (сегодня в нашей стране это примерно 52...54%). Жесткое

¹ В известном смысле речь, действительно, может идти о возрождении в обновленном варианте теории «нового индустриального общества», выдвинутой Дж. Гэлбрейтом в 1960-е гг. [6].

регулирование и принудительная специализация банков Японии, как приоритетная ориентация на кредитование хозяйственной деятельности в реальном секторе производства и на поддержку потребительского спроса, стали важной составляющей «экономического чуда» в этой стране, свершившегося после Второй мировой войны.

Не менее примечателен современный опыт работы исламской банковской модели. Отказ от использования ссудного принципа и формирование банковской модели софинансирования хозяйственной деятельности в реальном секторе экономики позволил не только фактически устранить возможность проведения банками спекулятивных операций, но и обеспечить устойчивость такой банковской системы за счет исключения высокого риска.

Наконец, нельзя недооценивать советский опыт национализации и установления государственной монополии в финансовой сфере. Безусловно, у него есть существенные недостатки, которые надо принимать во внимание, но он продемонстрировал возможность полного подчинения финансовой сферы задачам обслуживания и развития народнохозяйственного комплекса.

Рассмотренные примеры говорят о возможности использования различных вариантов глубокого реформирования финансовой сферы с учетом сложившихся условий хозяйственной деятельности. Лучше всего такой вариант обозначить как программу «социализации финансов». Ее содержание и цели достаточно подробно проанализированы в монографии [7, с. 628–641], поэтому ограничимся основными характеристиками предлагаемой программы.

Предлагаемая социализированная финансовая система может рассматриваться как программа установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества. Не случайно первоначально она увязывалась с потребностью в оперативном антикризисном вмешательстве

(с учетом роли либерализации финансовых рынков в возникновении мирового кризиса). Примечательно, что такая идея высказывалась западными лидерами в разгар кризиса, но по мере снятия его остроты ее стали забывать.

Особенность и достоинство этого проекта в том, что он предполагает формирование государственно-общественной финансовой системы, вмонтированной в рыночное хозяйство и предоставляющей финансовые ресурсы и услуги частнопредпринимательскому сектору экономики на рыночной основе с использованием хорошо известных инструментов и с учетом условий хозяйственной деятельности и поставленных целей. Таким образом расчищаются спекулятивные завалы и обеспечивается общее оздоровление хозяйственной деятельности, а реализация данного проекта становится необходимым условием полномасштабного осуществления программы новой индустриализации страны с последующим развертыванием новой промышленной революции. Благодаря социализации финансов государство получает дополнительный ресурс для активизации инвестиционной и инновационной сфер, что чрезвычайно важно при переходе от экспортно-сырьевой к высокотехнологичной экономике. По существу, речь идет о создании новой модели смешанной экономики как реальной альтернативы господству нелиберальной модели финансового капитализма.

Формирование социализированного (общественно-государственного) финансового сектора, взаимодействующего с частным сектором в остальных отраслях народного хозяйства, это и есть расширенная версия сочетания разнокачественных хозяйственных укладов. Его цель – создание двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции: один канал функционирует в обычном рыночном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов; другой – действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая льготное финансирование приоритетных народ-

нохозяйственных проектов (в нашем случае – с ориентацией на импортозамещение и диверсификацию народного хозяйства).

При возникновении спада в экономике его задачи расширяются, обеспечивая стимулирование роста производства и занятости. В социализированном сегменте необходим запрет на участие в операциях с валютой, ценными бумагами и их производными, чтобы отделить сферу инвестиционного кредитования, опирающуюся на безрисковые депозиты (государства, населения), от рискованного кредитования финансовых институтов с частичным резервированием. Исключение спекулятивной мотивации в этом сегменте финансов обеспечит поддержку инвестиционного потенциала в экономике.

Что еще из наиболее важного присутствует в данном проекте? Он дополняет вариант «распределительного социализма», известный по опыту скандинавских стран, в котором производство развивается на частнопредпринимательских принципах, а его социальная коррекция происходит благодаря использованию перераспределительного механизма. Новым подходом к социализированному финансовому сегменту может стать его формирование в виде сети специализированных банковских структур, осуществляющих финансирование определенных видов деятельности и конкретных отраслей. Помимо всего прочего, в такой сетевой структуре не исключается действие конкурентного механизма.

Источниками формирования ресурсов социализированного финансового сетевого сегмента становятся бюджетные средства (в том числе социализированная рента), направляемые на инвестиционные цели, а также дополнительные средства пенсионного фонда и сбережения (депозиты) населения. Стоит экономически подкрепить возможность привлечения таких ресурсов в социализированную финансовую систему в целях концентрации в ней источников долгосрочных вложений. В известном смысле такое закрепление воспроизводит практику разграничения депозитных и инвестиционных бан-

ков, сложившуюся в США в период Великой депрессии. Отличие в том, что задача предлагаемого разделения – формирование двухсегментной структуры в финансовой сфере со своей спецификой по видам деятельности и формам собственности.

Выводы

Программа социализации финансов имеет принципиальное значение для реформирования сложившейся хозяйственной модели, обеспечивая возвращение в политику и хозяйственную практику обновленного, самостоятельного и альтернативного неолиберализму социально ориентированного проекта переустройства общества и хозяйства с воссозданием нового левого центра политического притяжения.

Для современной России выдвижение и реализация программы социализации финансов является важной предпосылкой неоиндустриального разворота на новой наукоемкой основе. Отражая объективную потребность в глубоком экономическом реформировании хозяйственной системы России, данная программа способна эффективно реагировать на внутренние и внешние ограничения, преодолевая экономическую стагнацию и обеспечивая устойчивый, сбалансированный рост с учетом социальных приоритетов.

Список литературы

1. Foreign exchange turnover in April 2013: preliminary global results Monetary and Economic Department (Bank for International Settlements). – 2013. – September. P. 7.
2. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? / В. Т. Рязанов // Вестник СПбГУ. – Сер. Экономика. – 2013. – Вып. 4. – С. 3–34.

3. Московская биржа (<http://moex.com>).
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Прогресс, 1978.
5. Minsky H. Stabilizing An Unstable Economy / H. Minsky. – McGraw Hill, 2008.
6. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 9–23.
7. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В.Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.

*О.Н. Смолин*¹

Образование и глобальный контекст российской модернизации

¹ Олег Николаевич Смолин, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы Совета Федерации Российской Федерации, д-р филос. наук, профессор.

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами ее перехода к информационному обществу («обществу профессионалов», «обществу знаний» и т.п.), в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений.

Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «...накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60 % ... <...> ... Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62 % в Японии до 72 % в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.)» [1, с. 19].

Происходящие в современном обществе процессы аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации более 90 % населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающем голоде в

целых регионах, странах и даже континентах. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало ... переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом в настоящее время, чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство духовное [2, с. 63].

Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и прежде всего – образованием [3, с. 83]. Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было показано отечественными и зарубежными экономистами (С. Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

В свете сказанного представляется возможным высказать следующую гипотезу: одним из главных философско-экономических оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: «туда» и «обратно»

Переходя к характеристике действующей модели образовательного законодательства, основой которой является ФЗ от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации», отметим, что, на наш взгляд, он знаменует очередную ступень регресса этого законодательства. Во всяком случае, тенденция к сокращению объема свободы и социальных гарантий для участников образовательного процесса представлена в нем значительно ярче, чем противоположная, и на каждый шаг вперед приходится даже не два, а три шага назад.

К прогрессивным новым (или возвращенным старым) нормам закона можно отнести:

1. Положение, согласно которому норматив финансирования школы должен предусматривать среднюю зарплату учителя на уровне средней зарплаты по региону (ч. 3 ст. 99). – Эта норма привела к некоторому повышению заработной платы учителей, хотя побочным ее эффектом стало увеличение педагогической нагрузки (по данным Общероссийского народного фронта, эта нагрузка составляет около 28 часов в неделю, т. е. более полутора ставок).

2. Возможность финансирования дополнительного образования детей не только из местных, но также из региональных бюджетов (п. 3, ч. 1, ст. 8). Поскольку именно местные бюджеты в России являются наиболее дефицитными, предполагалось, что финансирование дополнительного образования детей улучшится. Однако эти ожидания не оправдались по следующим причинам:

– в условиях экономического кризиса растет дефицитность региональных бюджетов;

– предусмотренное Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 софинансирование дополнительного образования детей из федерального бюджета в 2013–2015 гг. не производится.

3. Введение так называемой сетевой (совместной) формы реализации образовательных программ (ст. 15).

4. Исключение из аккредитационной экспертизы так называемых показателей деятельности образовательных организаций (ст. 92). – По идее, это должно было упростить прохождение учебными заведениями государственной аккредитации, однако на фоне нарастающей бюрократизации управления образованием эффект оказался незначительным.

5. Узаконивание базовых кафедр вузов в организациях, осуществляющих научную деятельность (п. 5, ч. 2, ст. 72), что должно помочь укреплению связей образования и практики.

6. Некоторое расширение гарантий права на образование для инвалидов с детства (в частности, внеконкурсное поступление в вузы (ч. 5, ст. 71) и обязательная социальная стипендия (ч. 5, ст. 36)).

7. Закрепление в самом общем виде норм об инновационной и экспериментальной деятельности в сфере образования, регулирующих апробацию использования новых образовательных технологий, новых педагогических методик и образовательных моделей (ст. 20).

На наш взгляд, число положений закона, способных ограничить пространство свободы участников образовательного процесса и снизить объем социальных гарантий, значительно больше, причем по мере реализации закона выявляются все новые «подводные камни». Вот некоторые из таких положений:

1. Идеология образовательных услуг, по меньшей мере, во всех случаях, когда речь идет об экономике образования (ст. 99). – На наш взгляд, эта идеология разрушает духовные основы образовательных отношений как отношений субъект-субъектных, где личность формирует личность.

2. Возможность снижения конституционных гарантий прав граждан на образование: Конституция РФ гарантирует бесплатность образования для граждан исключительно в государственных и муниципальных образовательных учреждени-

ях либо на предприятиях. Однако в законе понятие «учреждение» отсутствует и растворено в более общем понятии «организация». При этом конституционные гарантии на организации не распространяются. Отменить или снизить гарантии в законе несравненно легче, чем в Конституции.

3. Отмена льгот по оплате родителями присмотра и ухода за детьми в дошкольных образовательных учреждениях. Препятствием к отмене таких льгот и компенсаций был прежний закон, предусматривавший такие льготы и компенсации. В новом законе остались только компенсации (ч. 5, ст. 65). Это привело к увеличению родительской платы в большинстве регионов страны. Ситуацию несколько смягчил Федеральный закон от 02.05.2015 № 110-ФЗ, который установил для организаций, осуществляющих присмотр и уход за детьми, нулевую ставку по налогу на прибыль организаций.

4. Фактическая отмена бесплатного пребывания в группах продленного дня. Часть 8 ст. 66 закона позволяет школам с согласия учредителя устанавливать плату за такое пребывание.

5. Фактическая отмена дополнительных гарантий сохранения сельской школы. – Еще в 2011 г. министр образования и науки Д. Ливанов призывал остановить их ликвидацию. С тех пор каждый год закрываются почти две тысячи школ. А всего в постсоветский период их закрыто более 25 тысяч. «Эпидемия» закрытия школ пришла и в города.

В ранее действовавшем законе ликвидировать сельскую школу можно было только с согласия сельского схода. Теперь – по закону – должны создаваться некие комиссии, которые будут оценивать последствия такой ликвидации. Очевидно: «уломать» (или «слопать») комиссию несравненно проще, чем сход граждан. При таком подходе призывы министра остановить ликвидацию сельской школы – пустой звук.

6. Отмена ряда надбавок и выплат. В результате принятия закона:

– все педагогические работники лишились скромной выплаты на приобретение учебно-методической литературы;

- доктора и кандидаты наук – надбавок за ученые степени;
- доценты и профессора – надбавок за ученые звания.

Формально соответствующие средства включены в так называемые новые системы оплаты труда (НСОТ), однако работнику они не гарантированы и индексироваться не будут.

7. Уменьшение, а иногда ликвидация коммунальных льгот для сельских педагогов. Согласно ч. 8, ст. 47 вопрос об их установлении, размерах и порядке выплаты передан на усмотрение регионов.

8. Экспансия ЕГЭ. Закон не только сохранил в современном виде единый госэкзамен, но и перенес его механизм в основную школу в виде так называемой ГИА – государственной итоговой аттестации. Между тем, необходимость реформирования ЕГЭ, похоже, осознана большей частью современной политической элиты. Так, председатель думского Комитета по образованию В. Никонов неоднократно заявлял, что ЕГЭ в современном виде не учит детей читать, писать и говорить.

9. Ликвидация начального профессионального образования как особого образовательного уровня. В результате, по оценкам экс-министра образования академика РАО Е. Ткаченко, учащиеся бывших учреждений НПО потеряли в виде социальных гарантий около 40 млрд рублей.

10. Отмена гарантий для сирот при поступлении в высшие учебные заведения. Это положение в основном исправлено Федеральным законом от 03.02.2015 № 11-ФЗ. Приветствуя исправление ошибок, заметим, что их легко было избежать, приняв вовремя поправки депутатов (включая автора этих строк).

11. Отмена дополнительных гарантий на образование для других категорий граждан. Законом, в частности, *исключены льготы* при поступлении в высшие учебные заведения:

- для граждан в возрасте до 20 лет, имеющих только одного родителя – инвалида I группы, если среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума в соответствующем субъекте РФ;

- для граждан, которые уволены с военной службы и поступают в образовательные учреждения, реализующие военные профессиональные образовательные программы, на основании рекомендаций командиров воинских частей;

- для участников боевых действий.

12. Возможность сокращения числа бюджетных студентов. – Закон отказался от действовавшего ранее положения, согласно которому в России на 10 тысяч населения должно было приходиться не менее 170 бюджетных студентов, и заменил его новым: 800 студентов на 10 тысяч молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет. На первый взгляд – больше!

Однако расчеты показывают: к 2020 г. при таком подходе число бюджетных студентов в стране сократится не менее чем на 700 тысяч, а в расчете на 10 тысяч населения – примерно со 172 до 125. Напомню: в России бесплатно учатся менее 40 % студентов, тогда как во Франции – более 80 %, а в Германии – более 90 %. О Советском Союзе, где все студенты учились бесплатно, нечего и говорить.

13. Возможность отмены стипендий для части студентов (ст. 36). По прежнему закону стипендии гарантировались хорошо успевающим, а также социально необеспеченным студентам. В новом законе минимально допустимый размер стипендий не устанавливается, а каждому хорошо успевающему студенту стипендия не гарантируется. Стипендиальный фонд распределяют администрация и органы студенческого самоуправления.

14. Отмена льгот по оплате студенческих общежитий. В результате принятия закона эта плата начала резко расти, после чего ситуация была отчасти исправлена Федеральным законом от 28.06.2014 № 182-ФЗ, который не восстановил прежние льготы, однако, ввел регулирование платы за общежития.

15. Ограничение дополнительных гарантий прав студентов на культурное развитие. Согласно ФЗ № 273, студенты были лишены права на бесплатное посещение музеев. Положение

исправлено Федеральным законом от 05.05.2014 № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Закона Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

16. Фактическая отмена выборов ректора в вузе. Статья 51 закона допускает возможность как назначения, так и избрания ректора. В настоящее время Минобрнауки настоятельно «рекомендует» вузам при принятии новых уставов процедуру выборов исключить. На наш депутатский запрос о том, почему это делается, получен ответ от заместителя министра образования и науки А. Климова, в котором сообщается, что отмена выборов не противоречит действующему закону (от 12 марта 2015 года № МОН-П-915). Как говорится, комментарии излишни.

17. Угроза коррекционному образованию. В результате исключения из закона коррекционных учебных заведений как особого типа и других факторов процесс ликвидации коррекционных школ и детских садов ускорился. По данным Минобрнауки, за последнее время их закрыто 280. В настоящее время рабочая группа Минобрнауки (при участии автора) готовит законопроект, предусматривающий дополнительные гарантии сохранения таких учебных заведений.

18. Отступление от принципов светского образования (ст. 87). В отличие от прежнего законодательства, ФЗ № 273:

- по существу, сводит духовно-нравственную культуру к культуре религиозной;

- вводит фактическую цензуру курсов духовно-нравственной культуры представителями централизованных религиозных организаций, обязывая светскую власть привлекать эти организации к учебно-методическому обеспечению таких курсов;

- переводит курсы духовно-нравственной (читай – религиозной) культуры из факультативных (необязательных) в ранг элективных (избираемых в обязательном порядке), предлагая включить их в основные образовательные программы;

- предоставляет возможность частным образовательным организациям вводить религиозный компонент без согласия

учащихся и родителей, что может открыть дорогу в школы радикальным религиозным организациям.

19. Шаг назад в законодательстве об электронном обучении. «Новелла» ФЗ № 273 включает следующее положение: перечень профессий, специальностей и направлений подготовки, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, утверждается Минобрнауки (ч. 3, ст. 16). Этого достаточно, чтобы при желании остановить развитие электронного обучения в стране на неопределенный срок.

20. Снижение гарантий просветительской деятельности. В отличие от предыдущего закона, ФЗ № 273 не содержит нормы, согласно которой на просветительские организации распространяются права и обязанности образовательных учреждений.

21. Скрытые угрозы:

- в законе исчезли как особый тип учреждения дополнительного образования детей. Это может привести к снижению социальных гарантий для педагогических работников таких организаций и сокращению их числа;

- из закона исключено понятие вида образовательных организаций, включая виды коррекционных школ, а также лицей и гимназии, виды высших учебных заведений (при этом университета как вида вузов не существует, однако, категории университетов остались). Это может привести к снижению финансовых гарантий деятельности таких учреждений, поскольку по некоторым видам существовали особые нормативы финансирования, а нередко – и особые социальные гарантии для работников;

- аккредитованные негосударственные учебные заведения лишились права удостоверения документов об образовании печатью с гербом РФ. Эксперты расценивают это как шаг к разделению учебных заведений по «сортам» и свертыванию негосударственного сектора образования.

В целом Федеральный закон № 273:

1) перенасыщен нормами отсылочного, в том числе бланкетного¹, характера (184 отсылочных нормы против 34 в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.). Это приводит к избытку подзаконных актов, произволу в трактовке норм закона и росту бюрократизации в управлении образованием;

2) не содержит государственных гарантий развития экономики образования;

3) уменьшает (по сравнению с предыдущим законодательством) пространство свободы и объем социальных гарантий для участников образовательного процесса;

4) не обеспечивает прорыва в образовательной политике, необходимого для модернизации страны.

О качестве проработки Федерального закона № 273 свидетельствует тот факт, что исправлять его начали сразу после вступления в силу 1 сентября 2013 г. Уже на 1 октября в базе Государственной Думы значились 24 законопроекта, предполагающих внесение в него изменений. К 1 июня 2015 г. было принято и подписано Президентом 20 только федеральных законов, вносящих изменения в ФЗ № 273 (в том числе три с участием автора). К этому же времени в базе Государственной Думы значились 29 законопроектов, направленных на внесение изменений в закон об образовании (в том числе 9 с участием автора). Количество изменений в смежное законодательство пока не подсчитывалось. Напомним: сторонники принятия нового закона настаивали на том, что прежний закон превратился в «лоскутное одеяло». Похоже, очень скоро этот аргумент может быть обращен против ФЗ № 273.

¹ В данном случае под бланкетной нормой понимается «норма права, предоставляющая государственным органам, должностным лицам право самостоятельно устанавливать правила поведения, запреты и т. п. (Энциклопедический словарь экономики и права. <http://slovo.yaxy.ru/96.html>)

Такая стратегия позволяет решать параллельно две группы задач:

- тактические – частичное улучшение действующего образовательного законодательства по принципу «малых дел»;
- в случае существенного изменения общественно-политической ситуации иметь, выражаясь шахматным языком, домашние заготовки, позволяющие принципиально изменить курс образовательной политики в интересах модернизации страны и участников образовательного процесса.

Нам неоднократно приходилось говорить о том, что в данном случае государственные и корпоративные интересы совпадают: при более или менее отлаженных экономических механизмах, чем лучше будет в широком смысле учителю и ученику, тем более профессионального работника и гражданина получит страна, тем быстрее мы преодолеем последствия интеллектуальной и духовно-нравственной катастрофы и тем надежнее будут обеспечены национальная безопасность и возможности модернизации.

Список литературы

1. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах: докл. о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2002–2003. – М., 2003.
2. Бузгалин А. Теория социально-экономических трансформаций / А. Бузгалин, А. Колганов. – М.: ТЕИС, 2003.
3. Бузгалин А. Глобальный капитал / А. Бузгалин, А. Колганов. – М.: УРФФ, 2004.

В.Т. Третьяков¹

Почему такая богатая страна,
как Россия, имеет
такую плохую экономику?

¹ *Виталий Товиевич Третьяков*, российский журналист, политолог, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова

Руслан Семенович Гринберг вывел некую закономерность между нестабильностью экономики или волатильностью курса рубля и количеством конференций по экономике, на которые слетаются многочисленные участники. На мой взгляд, он заблуждается. Мне это больше напоминает походы кандидатов и докторов экономических наук в советское время на овощебазы. Советская экономическая наука шла своим путем, а ученых, чтобы они *хоть изредка задумывались о том*, что такое *реальная экономика*, направляли на овощебазы. Как я понимаю, это нисколько не сказывалось ни на экономической теории, ни на экономической политике и практике – и тогда, и сейчас политика, идеология доминируют над экономикой. Даже если есть такая наука – экономика, приказы отдает политика и иногда – отдельно взятые люди. Это мой первый тезис.

Второй тезис тоже тесно связан с высказыванием Руслана Гринберга о самолетах, которые будут летать без пилотов, как сегодня начинают ездить машины. Может быть, это замечательно, но меня интересует другое: среди тех, кто летит в самолете, есть потенциальные пьяницы, хулиганы, дебоширы. Что делать с ними? Или их будут чем-то колоть перед рейсом, чтобы они не дебоширили? Другой вариант. А если авиадиспетчеры захотят устроить (от скуки – ведь все и так нормально летает) воздушный бой? Среди авиадиспетчеров тоже могут быть люди, которым надоела скучная жизнь, которую пред-

рекает современное экономическое развитие. Я хочу сказать, что политика и психология людей выше экономической науки. И я абсолютно уверен, что все беды нашего сегодняшнего экономического положения идут от политики, а не от отсутствия какой-либо теории. Я утверждаю, что в нашей экономике нужно менять все: заведение, девочек, мальчиков и т.д.

Ни один экономист мира, ни один нобелевский лауреат, ни один академик экономики не объяснит мне, почему такая богатая страна, как Россия, имеет такую плохую экономику. Никаких объективных причин для этого я не вижу. И не будучи экономистом, но внимательно анализируя политическую историю нашей страны и нашу современную политику, настаиваю на том, что экономический рывок возможен. Это многократно доказано историей России, в том числе совсем недавней: вспомним индустриализацию и научную (!) революцию периода 1920–1930-х гг. Предвижу аргумент – там был ГУЛАГ, строили заключенные, рабы. Так вот: рабы в ГУЛАГе строили фундаменты и стены заводов, но сформулировать идеи, разработать проекты они, в принципе, не могли. Я к тому, что резкий экономический подъем в России возможен, и зависит это от политиков, принимающих экономические решения.

Лучше ли сегодня ситуация для экономического рывка, настоящего экономического прогресса, чем в России в начале XX в., после Первой мировой и Гражданской войн? Очевидно, что лучше! Откуда тогда такое гигантское отставание от Запада, которое мы якобы не можем в ближайшие десятилетия преодолеть? Напомню: Путин пришел к власти в России в конце 1999 г., и через несколько недель ситуация с войной в Чечне стала меняться в нашу пользу. Значит, нужно менять правительство, но в данном зале его никто поменять не может. Для этого надо, чтобы в сознании общества более отчетливо сформировались альтернативы.

Руслан Семенович Гринберг призывает идти на выборы. Но, оттого что вы пойдете на выборы и проголосуете опреде-

ленным образом, ничего в экономике не изменится. Лучше действовать через СМИ. А СМИ любят тайны, интриги, козни и персонажей, которые этим занимаются. Поэтому нужно сформировать теневое экономическое правительство, с теневым премьер-министром, прописать его полный состав, распределить функции и запустить этот «секретный» документ в СМИ, желательно как утечку с данного конгресса. И тогда к вам побегут журналисты, начнут задавать вопросы и раскручивать все ваши идеи. Я несколько огрубляю, но суть такова: если у вас нет политической власти и административных рычагов, то изменить экономическую политику вы можете только активной пропагандой своих идей и предложений в средствах массовой информации.

И последние два тезиса. Совершенно очевидно, что создавать экономику знаний (хотя я сомневаюсь, что она возникла сегодня), одновременно организовав конвейер по отправке людей, обладающих этими знаниями, на Запад, – это либо провокация, либо предательство, либо идиотизм. Болонская система и вся нынешняя реформа образования создали именно такой конвейер. Случайно или специально – об этом можно только гадать. Поражает другое: с вывозом капитала у нас борются, хотя это просто бумажки, а с фактически незаконным вывозом из страны мозгов не только не борются, но считают, что это хорошо, ибо мир сегодня такой открытый.

И последнее. Тот, кто создаст нового человека, точнее – человека с новыми потребностями, а речь идет именно об этом, тот и будет властвовать в мире. Будет это биоробот или некто в человеческой плоти, но с определенными идеями как потребитель, неважно. Это – главное поле битвы, на котором все наши общественные науки должны наносить основной удар и формировать нового человека, в противном случае это сделают другие – в своих интересах.

В.А. Шамахов¹

Подготовка управленческих кадров
для новой экономики

¹ *Владимир Александрович Шамахов*, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д-р экон. наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1 класса.

По нашему мнению, экономическое возрождение страны, выход на траекторию устойчивого развития невозможны без перестройки всей системы восприятия социально-экономической действительности лицами, вырабатывающими государственную политику: чиновниками, политиками, общественными деятелями и экспертами. А это требует изменения состава профессиональных компетенций, закладываемых учреждениями образования при подготовке специалистов в области государственного и общественного управления.

Что мы понимаем под новой экономикой? Новая экономика – это экономика знаний, новых информационных технологий, новых бизнес-процессов, обеспечивающих лидерство и конкурентоспособность. Иными словами, новая экономика – это теоретическая концепция функционирования современной экономической системы, основанной на творческом (креативном) труде и непрерывных инновациях, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний (генерируемых, в первую очередь, системой образования и научными организациями) является источником роста.

Возникновение новой экономики связано с развитием дистанционных интерактивных транзакций (глобальных систем финансовых платежей) и формированием шестого технологического уклада, опирающегося на био- и нанотехнологии,

высокие гуманитарные технологии (искусственный интеллект, робототехнику, лазерную технику, новую энергетику, основанную на экологически чистых энергоносителях, и т.д.).

Постиндустриальная экономика, базирующаяся на доминировании сферы услуг и транснациональном аутсорсинге сборочных и обрабатывающих производств (вынесенных в развивающиеся страны), в результате прогресса информационно-компьютерных технологий (ИКТ) сменилась информационной экономикой. Развитие ИКТ, и в первую очередь Интернета, позволило сформировать инфраструктуру шестого технологического уклада, основанного на развитии (реиндустриализации) наукоемких высокотехнологичных производств с высокой долей добавленной стоимости, определив критическую роль человеческого капитала (интеллекта и креативных компетенций).

Формами проявления новой экономики в сферах производства и обмена стали когнитивная (умная) и креативная экономика (научно-образовательный и инновационно-внедренческий комплексы), а в сфере потребления – экономика впечатлений (отрасли культурно-туристического комплекса).

Какие задачи стоят перед экономикой России? Формируя теоретическую модель национальной, отраслевой либо региональной конкурентоспособности необходимо учитывать ее ограничения. В современной российской ситуации к ним относятся депопуляция населения (замедлившаяся в 2011–2012 гг. и возобновившаяся в 2015 г.), огромная территория (по которой приходится «размазывать» инженерную и социальную инфраструктуру), а также системный кризис в российской экономике, проявляющийся в сокращении инфраструктурных инвестиций и снижении потребительского спроса.

В условиях усиливающихся бюджетных ограничений отраслевые и региональные стратегии развития должны быть точно спозиционированы под имеющиеся конкурентные пре-

имущества, обеспечены имеющимися ресурсами и синхронизированы со стратегическими приоритетами социально-экономического развития Российской Федерации. Все это предъявляет новые требования к составу профессиональных компетенций и системе мировосприятия лиц, принимающих стратегические решения на уровне страны, региона, отрасли, т.е. к государственной, общественной и экспертной элите России.

Каким требованиям должна удовлетворять система государственного и общественного управления на современном этапе, чтобы обеспечить экономический рост? Перечислим три основных, на наш взгляд, требования:

– *открытость* – старая модель взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом, основанная на системе «власть–подчинение», в чистом виде не работает: существует постоянная ротация эффективных управленцев из бизнеса на госслужбу и обратно, политический класс включает в себя не только публичных политиков и функционеров государственного аппарата, но и крупных собственников, инвесторов, бизнесменов, представителей экспертного сообщества;

– *четкость выполнения команд* – определенные Президентом, Парламентом и Правительством стратегические цели должны быть, безусловно, исполняемы на нижестоящих уровнях управленческой вертикали (в первую очередь это касается выполнения «майских» указов по ускорению темпов экономического роста, созданию эффективных рабочих мест в новой экономике, увеличению объемов инвестирования не только за счет бюджетных, но и частных источников);

– *ориентация на результат* – в современных экономических условиях возможности бюджета и покупательная способность населения сильно снизились, в связи с чем перед участниками социально-экономического процесса (частными компаниями, бюджетными организациями и органами государственной власти) стоит задача оптимизации стандартной стоимости

производимой продукции (либо публичной услуги) и продвижения на рынок новых товаров, услуг и программ, ориентированных и востребованных потребителем.

Как решаются данные задачи в Северо-Западном институте управления (СЗИУ) Президентской академии? В соответствии со Стратегией и «Дорожной картой» развития СЗИУ Президентской академии решениями директора и ученого совета в институте последовательно внедрялась инновационная модель подготовки кадров для государственного и общественного управления. Ее основными элементами стали:

- институционализация новых структур руководителей научно-образовательных направлений (НОН), курирующих разработку и реализацию всей линейки образовательных программ (бакалавриат или специалитет – магистратура – аспирантура) по образовательному направлению (государственное и муниципальное управление, экономика, менеджмент, юриспруденция и т. д.);

- перенос центра тяжести в управлении образовательным процессом с кафедральных структур (лоббирующих зачастую узкопредметные интересы обеспечения нагрузкой конкретных преподавателей) на уровень деканов, руководителей научно-образовательных направлений и УМУ института, деятельность которых оценивается по показателям качества набора, выпуска и трудоустройства студентов;

- возрастание доли технологий электронного обучения в структуре учебного плана бакалавриата и магистратуры (когда вместо «начитки» в аудитории лекционного материала студент имеет возможность ознакомиться с ним самостоятельно, изучая электронный (дистанционный) курс, выложенный в корпоративной сети вуза). Это позволяет не только оптимизировать стоимость создаваемого институтом образовательного продукта, но и повысить качество контактного (аудиторного) взаимодействия студента с преподавателем, к которому

на практические занятия приходит подготовленный студент, а также расширить контингент обучающихся за счет студентов из других регионов РФ и республик постсоветского пространства;

- смещение акцентов в подготовке специалистов в области государственного и общественного управления с теоретизации и идеологизации в сторону практикоориентированности и проектности, т. е. нацеленности на подготовку специалистов, владеющих методологией и навыками взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, технологиями организации государственно-частных партнерств, а также использования социальных технологий в корпоративных целях.

В целях повышения практикоориентированности обучения в институте создаются научно-учебные группы («мастерские государственного и общественного управления»), формируемые вокруг наших партнеров, готовых курировать конкретные группы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, способствовать прохождению ими практики и внеучебных мероприятий, связанных с освоением профессиональных и иных компетенций. Руководство одной из таких «мастерских государственного и общественного управления» по теме «Государственная индустриальная политика» мы хотели бы предложить организатору данного конгресса – Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

В заключение хочу отметить, что в Северо-Западном институте управления Президентской академии в настоящее время сформирован «центр превосходства» в области общественно-государственного управления с опорой на несколько уже определившихся предметных полей, составляющих наши конкурентные преимущества: стратегия пространственного развития; технологии государственного и общественного управления; технология евразийской интеграции; контрактный менеджмент в системе госзаказа.

«Форсайт “Россия”: новое производство для новой экономики»

Том 1

*Сборник пленарных докладов**Санкт-Петербургского**международного экономического конгресса (СПЭК-2016)**Заведующий редакцией**И.А. Эбаноидзе**Оформление и верстка**И.Э. Бернштейн**Корректор**Е.П. Лесничая*

Подписано в печать 22.06.2016.

Формат 60×88/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Печ. л. 10.

Тираж 500 экз. Заказ

Издательство «Культурная Революция»

Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б

Телефон (499) 973 1662, e-mail editor@kultrev.ru